

ДОКЛАД

№ 73 / 2021

Быть на голову выше всех: Россия 30 лет спустя

Российский совет
по международным
делам

Екатерина Энтина
Марк Энтин
Дмитрий Новиков
Дмитрий Разумовский
Александр Наджаров
Никита Синопальников

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2021

УДК 327(470+571:100)

ББК 66.4(2Рос),9(0),01

Б95

Российский совет по международным делам

Авторский коллектив:

д.полит.н. **Е.Г. Энтина**, д.ю.н. **М.Л. Энтин**, к.полит.н. **Д.П. Новиков**, к.э.н. **Д.В. Разумовский**, **А.М. Наджаров**,
Н.С. Синопальников

Выпускающий редактор:

О.А. Пылова

Б95 **Быть на голову выше всех: Россия 30 лет спустя** : доклад № 73/2021 / [Е.Г. Энтина, М.Л. Энтин, Д.П. Новиков, Д.В. Разумовский и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2021. — 88 с. — Авт. и ред. указаны на обороте тит.л.

ISBN 978-5-6046308-6-0

Доклад посвящен актуальным вопросам развития постпандемической реальности. Авторы показывают не только вызовы, связанные с системной трансформацией множества мировых процессов, но и предлагают обсудить место России в ней и императивов её внешней политики. Центральным элементом внешнеполитической стратегии Москвы, по мнению авторов, должно стать новое идейное наполнение союзничества.

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст доклада опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/report73

Содержание

Мегатренды мирового развития	4
Мир в идейном вакууме: в поисках новой парадигмы	4
Регионализация мировой политики: как адаптироваться к многослойной глобализации	7
Ренационализация мировой политики: миф или реальность?	12
Глобализация неравенства	15
Международная безопасность в разделенном мире	18
Новый технологический уклад: обострение старых проблем и появление новых	22
Формирование государств-корпораций	24
Россия перед лицом мегавызовов	27
Новая парадигма развития для России	27
Регионализация внешней политики России	31
Россия в новой технологической реальности	36
Научно-технический потенциал	37
Образование	38
Россия в глобальной повестке борьбы с неравенством	41
Россия как поставщик глобальной и региональной безопасности	45
Новая внешняя политика для нового мира	48
Формирование экосистемы внешнеполитического ведомства России	48
«Новое союзничество» для совместной борьбы с мегавызовами	50
Региональные приоритеты российской политики	53
Поворот в Азию: сохранение динамики, упрочение позиций	54
Ближний Восток: закрепление успехов	63
Евроатлантический вектор: в поисках новой парадигмы взаимодействия	69
Россия и Африка на новом фронтире человечества	75
Латинская Америка — Россия: баланс между идеологией и прагматизмом	78
Заключение	82
Об авторах	85

Мегатренды мирового развития

Мир в идейном вакууме: в поисках новой парадигмы

Невнятный ответ на пандемию коронавируса и вызванный этим второй глобальный экономический кризис поставили под сомнение все бытовавшие ранее представления о прогрессе, развитии, мировой политике и экономике. Соединённые Штаты, Европейский союз и их партнёры сделали для себя вывод о том, что им необходимы большее самообеспечение в ключевых секторах экономики, сокращение зависимости от внешних поставщиков, перенос производств и цепочек добавленной стоимости на свою или подконтрольную территорию.

Однако это путь в прошлое: таких подходов придерживались основные мировые игроки во времена холодной войны. Одновременно это смертный приговор нормальному разделению труда между государствами и регионами, в которое бы вписывались развивающиеся страны, и целесообразности международного содействия развитию.

Ведущие политологи откликнулись на уроки пандемии и кризиса выдвижением двух диаметрально противоположных сценариев дальнейшего хода событий. Одни утверждают, что принципиальным образом ничего не изменилось: просто все действующие тенденции проявились в более обнажённом виде¹, и в будущем следует ожидать их дальнейшего усиления. Другие высказали предположение, что всё теперь будет иначе: изменилась глобальная повестка дня, понимание мира, в котором мы живём, появился запрос на новую политику².

По большому счёту, и то и другое довольно далеко от реальности, поскольку исходит из идеалистического видения мира и завышенной оценки способности политических элит действовать не слишком инерционно. Из сложившейся ситуации может быть сделан радикально иной вывод: все политики, проводившиеся в прошлом (будь то войны, конфронтация, сдерживание или сотрудничество), доказали свою несостоятельность.

Войны больше не дают очевидного выигрыша ни их инициаторам, ни участникам. Международные конфликты застревают в своей разрушительной фазе, так и не создавая предпосылок для постконфликтной реабилитации стран и регионов, из-за чего войны элементарно не достигают целей, ради которых ведутся. Они изнуряют обе стороны, а не только ту, которая служит театром военных действий. Открытые вооружённые столкновения усиливают напряжённость внутри региона и за его пределами, поскольку обостряют отношения между теми, кто поддерживает разные политические силы. Более того, они формируют поколение тех, для кого боевые действия

¹ Pickering T. R., Trivedi A. M. The International Order Didn't Fail the Pandemic Alone // Foreign Affairs. 14.05.2020.
URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-05-14/international-order-didnt-fail-pandemic-alone>

² Huang Y. Why the World Lost to the Pandemic // Foreign Affairs. 28.01.2021.
URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-01-28/why-world-lost-pandemic>

у себя дома и в других регионах становятся образом жизни. Смена политического режима в Ливии привела к уничтожению государственности, Ирак до сих пор не может оправиться от интервенции и последовавшей за ней гражданско-религиозной войны. Сирия превратилась в незаживающую рану Ближнего Востока, а Юго-Восток Украины де-факто не является ни украинским, ни российским, ни самостоятельным. Очагами нестабильности остаются также Афганистан, страны Центральной Африки и др.

Стратегии конфронтации и сдерживания наносят урон не только вовлечённым в них странам, но и мировой политике, экономике и международному сотрудничеству в целом. Одной из ключевых проблем является перетекание логики сдерживания и устрашения в экономическую сферу. При Д. Трампе в США сформировался межпартийный консенсус по вопросу необходимости сдерживания Китая любыми средствами. Палитру этих средств администрация Дж. Байдена только разнообразила, постаравшись придать им системный характер и навязать их осуществление максимально широкому кругу стран. Но торговая война между США и КНР и повсеместные запреты на перелив технологий, похоже, нанесли больший ущерб Вашингтону, нежели Пекину — во всяком случае пока. Дефицит США в торговле с Китаем только увеличился, при этом обострилась международная ситуация: темпы роста мировой экономики замедлились, в результате чего все страны встретили пандемию коронавируса ослабленными, что ещё больше усилило разрушительные последствия кризиса.

Международное сотрудничество приобрело дисфункциональный, идеологически обусловленный характер и стало превращаться в ширму для продвижения либо национальных интересов и повестки отдельных стран, либо политизированных подходов. Единый фронт государств в борьбе с международным терроризмом так и не был сформирован, а несистемные, нескоординированные и половинчатые меры привели лишь к переливу террористической активности. Исламское государство отнюдь не сломлено, оно восстанавливается и трансформируется³. Энергетический транзит и декарбонизация, связываемые с Парижским соглашением по климату, выгодны в основном лишь богатым и самым развитым странам и обрекают всех остальных на неподъёмно затратный путь развития. Придуманное Европейским союзом селективное сотрудничество с Россией привело на деле лишь к утрате взаимопонимания, замораживанию очень нужных и полезных форматов взаимодействия, размежеванию даже в важных с точки зрения статуса в мировой политике и экономике областях.

Однако многие государства и группы государств продолжают придерживаться прежнего политического курса, не желая признавать его несостоятельность. В ответ на санкции государства вводят зеркальные меры и, понимая, что последние дают очень мало, начинают задумываться о введении ограничений в опережающем порядке. Те политические элиты, экс-

³ Laurent Nuñez: «L'État islamique se reconstitue dans la clandestinité» // Le Figaro. 10.03.2021.
URL: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/laurent-nunez-l-etat-islamique-se-reconstitue-dans-la-clandestinite-20210311>

перты, граждане, которые настроены на сотрудничество и продолжают его лоббировать, не встречают понимания ни со стороны партнёров, ни внутри собственных стран. В итоге разрыв между потребностями человека и действиями государств на международной арене становится всё более глубоким. В отдельных областях международные отношения становятся особенно иррациональными и хаотичными. Выхода из этой ненормальной ситуации и крайне опасной фазы мирового развития, если разобраться, никто не предлагает.

Европейский союз ещё до победы Дж. Байдена согласился следовать тем политическим установкам, которых придерживается Демократическая партия США. В партийных кругах ЕС и его государств-членов с большим энтузиазмом восприняли новейшие американские идеи о создании идеологического блока одинаково мыслящих государств, однако реализация таких инициатив способна привести лишь к разделению всего мира на «своих» и «чужих» с легко предсказуемыми последствиями.

Китайская инициатива «Пояс и Путь» может многое дать транзитным странам и странам назначения товарных потоков в плане их экономического, инфраструктурного и технологического развития. Уже заметны первые успехи, хотя Пекин и рассматривает общее будущее человечества как проекцию своих интересов в другие страны и регионы. США и ЕС оценивают инициативу с точки зрения исключительно политической и экономической экспансии Китая, пытаются убедить соседей и остальные народы в её опасности и выдвигают в отношении Пекина всё более тяжёлые обвинения.

Россия выступила с чрезвычайно перспективной, позитивной и заманчивой идеей построения Всеобъемлющего большого евразийского партнёрства как инструмента сближения всех участников суперрегиона и поиска совместных решений по широкому кругу вопросов. Идею с энтузиазмом поддержали другие страны ЕАЭС, члены АСЕАН и ещё ряд государств. Однако последние пять лет Москве приходится в гораздо большей степени концентрировать свои усилия на парировании внешних угроз, а не на реализации позитивной повестки на практике.

Предсказания С. Хантингтона о войне цивилизаций воплощаются в реальность — этому способствует деятельность сторонников исламского халифата, борьба с которыми в интересах нормального глобального развития должна была носить всеобщий и системный характер. Однако надежды на подобную широкую кооперацию, которая подтолкнула бы международное сотрудничество и в других областях, не оправдались. Все участники так и не сложившегося антитеррористического фронта продвигают в основном свои, а не общие интересы. Так, Турция и многие другие страны озабочены лишь обустройством своих зон влияния. Саудовская Аравия, Катар, Египет, Иран и другие региональные игроки поддерживают различные политические и религиозные силы. Общая ткань безопасности, от укрепления которой объективно выиграли бы все, рвётся на множество фрагментов, отчего безопасности, естественно, становится только меньше.

В прошлом высказывались идеи о формировании мирового правительства, создания своего рода совета безопасности по финансовым и экономическим вопросам, введения единой международной валюты, перераспределения бюджетных средств, бросаемых на военные нужды и на цели развития, формирования союза союзов, интеграции интеграций, просвещённого геополитического лидерства и т. д. Однако на практике ни одна из этих идей организации просвещённого мироустройства никем не прорабатывается.

Духовный и идейный вакуум в глобальном разрезе фактически консервирует нынешнее неблагополучие — текущая ситуация чревата дальнейшей деградацией.

Но если на глобальном уровне позитивное развитие застопорилось, вполне логично, что центр тяжести мирового развития смещается на региональный и межрегиональный уровни. Именно здесь вызревают новые механизмы и форматы сотрудничества, накапливается позитивный опыт, который может быть транслирован вовне. На этом направлении, в частности для России, открываются новые возможности и горизонты.

Настоящий доклад посвящён анализу новых тенденций, их связи с более ранними процессами 2020–2021 гг. и результатам, к которым они могут привести.

Регионализация мировой политики: как адаптироваться к многослойной глобализации

Один из, казалось бы, самых очевидных уроков пандемии 2020–2021 гг. состоит в том, что ни отдельное государство, ни группа государств не в состоянии в одиночку решать глобальные проблемы. С одной стороны, у них нет для этого достаточных знаний и ресурсов. С другой — мир стал слишком единым, и никто из мировых игроков не может обособиться от него или ограничиться частными решениями только для себя. Но это тот урок, который человечество до сих пор не усвоило. Конкуренция вакцин вместо их совместной разработки, производства и распределения является тому одним из многочисленных подтверждений. Вакуум глобальной кооперации замещается более узкими форматами сотрудничества.

Компонентами регионализации мировой политики являются:

1. Структурная регионализация как объективный процесс, в рамках которого государства приводят свою внешнюю политику в соответствие с объективными, ограниченными регионом возможностями. Будучи неспособными «поднять» глобализацию самостоятельно, они видят выход в переносе центра тяжести на региональный уровень, завоевании регионального лидерства, формировании региональных международных систем.
2. Усиление экономической регионализации вследствие формирования ёмких рынков вокруг крупных региональных экономик. В результате модель разделённого потребителя (Запад) и производителя (развивающиеся страны) сменяется моделью «потребитель и производитель в одном месте», что приводит к регионализации производства, логистики и транспорта.

3. Регионализация международного нормативного массива и институтов и их обособление как выражение потребности в регулировании более тесных экономических связей и закреплении регионального политического лидерства тяжеловесов. Этот тренд усиливается очевидными девиациями в функционировании глобальных институтов торговли и финансов.

4. Регионализация безопасности как способ придания ей большей надёжности. Вмешательство отдельных глобальных игроков в региональные вопросы стало настолько деструктивным, что региональная безопасность естественным образом оказалась императивом.

5. Социо-гуманитарная регионализация как некоторая культурная «оппозиция» вестернизированной глобализации, связанная с частичной утратой Западом статуса прогрессивной политической, культурной и цивилизационной модели, не имеющей альтернативы. Дополнительным фактором, подчёркивающим этот тренд, является и информационно-идеологическое противостояние между различными центрами силы.

Регионализация мировой экономики и политики является объективным процессом, который связан не столько с дисфункцией институтов глобального управления, сколько с естественным перераспределением ресурсов и власти в рамках существующей глобальной международной системы.

Подчёркнутый пандемией провал глобального сотрудничества и координации с переносом силы тяжести на региональный уровень наблюдался и ранее. Условной точкой отсчёта можно считать мировой финансовый кризис 2007–2009 гг., с одной стороны, обнаживший огромную дыру в системе глобального управления, а с другой — запустивший долгосрочные процессы по структурной перестройке мировой экономики и политики. Волна национального и регионального — в рамках интеграционных форматов и зон свободной торговли — протекционизма способствовала перестройке цепочек добавленной стоимости и торговых потоков, их «сжатию» в более компактные, а значит, менее подверженные протекционистским практикам и политическим рискам географические зоны⁴.

Например, внутрирегиональный чистый экспорт стран Западной Азии и Океании за восемь лет (2010–2018 гг.) увеличился на 26,9% по отношению к внерегиональному (рисунок 1). Аналогичную ситуацию можно наблюдать в других регионах с развивающимися или переходными экономиками (рисунки 2, 3).

Регионализация экономических связей и сотрудничества — это и основа, и следствие ещё более глубокого процесса фрагментации мирового политического порядка. Кризис американского лидерства привёл к постепенному схлопыванию во всех сферах прежней модели мироустройства, которую Вашингтон постарался установить по окончании холодной войны.

⁴ Global Value Chain Development Report 2019: Technological Innovation, Supply Chain Trade and Workers in a Globalized World // The World Bank. 15.04.2019.
URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/trade/publication/global-value-chain-development-report-2019>

Рисунок 1 — Соотношение внутрирегионального и внерегионального чистого экспорта стран Западной Азии и Океании.

Источник данных: WITS. URL: <https://wits.worldbank.org/Default.aspx?lang=en>

Рисунок 2 — Соотношение внутрирегионального и внерегионального чистого экспорта стран Южной Америки и Карибского бассейна.

Источник данных: WITS. URL: <https://wits.worldbank.org/Default.aspx?lang=en>

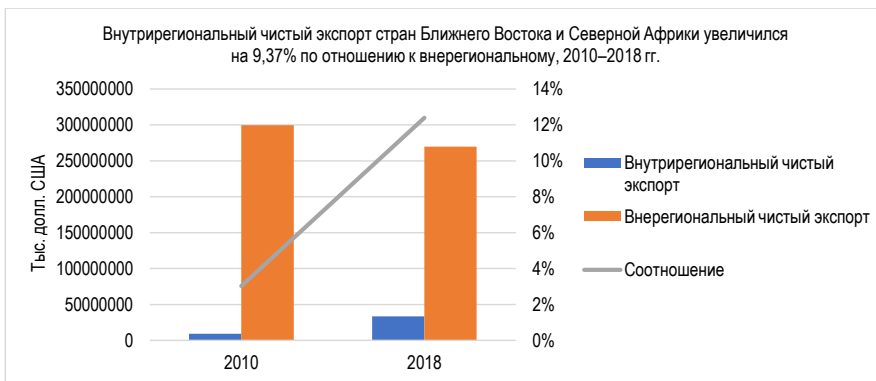

Рисунок 3 — Соотношение внутрирегионального и внерегионального чистого экспорта стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Источник данных: WITS. URL: <https://wits.worldbank.org/Default.aspx?lang=en>

США впервые за почти столетие перестали быть локомотивом глобального экономического роста, уступив это место Китаю и другим быстро развивающимся незападным странам. Координация борьбы с последствиями экономического кризиса перешла из узкого формата G8 в более широкий и представительный формат G20. В военно-политической сфере неуверительные последствия интервенций в Афганистане и Ираке и поражение в развёрнутой США глобальной войне против терроризма привели к деградации глобальной системы безопасности и подрыву репутации Вашингтона как её главного гаранта. В результате глобализация лишилась не только центра выработки правил и регулирования, но и даже подобия единого зонтика в области безопасности.

Разобщённость государств, продемонстрированная «коронакризисом» 2020–2021 гг., ускорила транзит от централизованной глобализации к более децентрализованной её модели и новому полицентричному мировому порядку, оформление которого будет магистральным трендом следующего десятилетия.

Неспособность отдельных стран или группы государств (ни слабейших США даже вместе с союзниками, ни Китая) играть роль нового центра глобализации и ключевого полюса мира — это основа для появления и укрепления системы региональных лидерств. Такие потенциальные или уже оформившиеся региональные лидеры во многом определены: Китай и Индия — в Азии, Россия — в северной Евразии, Германия и Франция — в Европе ЕС, Бразилия и Аргентина — в Южной Америке. Отношения между лидерами внутри регионов и на межрегиональном уровне будут ключевым фактором мирового развития, а их институционализация и нормирование — фундаментом формирующегося нового миропорядка.

При этом регионы, в которых отсутствуют крупные игроки, обладающие достаточной силой тяжести для того, чтобы выступить в качестве лидеров региональных порядков, окажутся в проигрышном положении и будут испытывать дефицит международного управления — подобная ситуация станет вероятным источником нестабильности. К таким регионам относятся Африка и Ближний Восток, которые либо вовсе не имеют сколь-либо значимого регионального лидера (Африка), либо находятся в ситуации борьбы за этот статус (Ближний Восток). Ни одно из претендующих на региональное лидерство на Ближнем Востоке государств (Саудовская Аравия, Турция, Иран, Египет) не обладает ни достаточным силовым и экономическим потенциалом, ни моральным авторитетом для того, чтобы обеспечить устойчивый порядок в этом регионе. Не способны они и к «традиционному» способу решения проблем — более или менее консенсусному разделению общего пространства на географические сферы влияния.

Такие регионы уже являются и в ближайшей перспективе будут оставаться главной проблемой формирующегося многоукладного миропорядка. Их стабилизация должна решаться путём упорядочивания извне, однако не в одностороннем порядке, как это пытались делать США в 2000-е гг., а путём широ-

кого вовлечения в этот процесс международного сообщества, глобальных и региональных институтов и площадок, но прежде всего — великих держав, которые должны достигнуть минимального консенсуса относительно желательного состояния этих регионов и активно работать с ведущими региональными игроками, направляя политический процесс в конструктивное русло. Вынужденная необходимость совместного регулирования проблемных регионов будет составлять один из аспектов новой многоукладности.

При этом США будут длительное время сохранять остаточное структурное влияние на глобальном уровне, обладая некоторыми аспектами мирового лидера, но уже не ограничиваясь попытками единолично управлять глобальными процессами, а прибегая в этих целях к использованию во всё больших объёмах ресурсов постоянных и конъюнктурных союзников. Помимо этого, своё остаточное структурное влияние Вашингтон будет использовать для достижения среднесрочных конкурентных преимуществ и обеспечения более привилегированных позиций в новом регионализированном и фрагментированном международном порядке.

США активно используют свою центральную роль в мировой валютно-финансовой системе в целях проведения политики санкционных ограничений против геополитических конкурентов и неугодных стран. Этим же целям служит принятие законодательства, запрещающего доступ к технологиям, и принуждение собственных компаний и компаний других стран отказываться от осуществления совместных высокотехнологичных проектов с государствами, рассматриваемыми Вашингтоном в качестве соперника и противника.

США претендуют на роль лидера евроатлантического и азиатско-тихоокеанского мегарегионов. Инструментами институционализации этого лидерства были, например, продвигаемые администрацией Б. Обамы мегарегиональные торгово-экономические соглашения: Транстихоокеанское партнёрство в АТР и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство в Атлантике. Провозглашённая администрацией Дж. Байдена опора на систему союзов направлена на продолжение линии по закреплению американского влияния в АТР и Евроатлантике.

Двойственная роль США будет оставаться одним из главных источников конфликтности и конфронтации в мировой политике, преодоление которых возможно только через достижение понимания (как США, так и их оппонентов в разных регионах) относительно обоюдных пределов возможностей. Пока, однако, американская политика основывается на предпосылке о превосходстве над всем оппонентами, что будет создавать среднесрочные риски для политической устойчивости формирующейся конструкции.

Региональная фрагментация системы глобального управления и регулирования не означает свёртывания глобализации, но предлагает более сложную, нелинейную и многоукладную модель этого процесса. Финансовая, технологическая, информационная и телекоммуникационная глобализация неизбежно продолжится. Необратимыми представляются и процессы,

связанные с глобальной миграцией и культурным смешением, несмотря на зримые попытки контролировать и ограничивать последнее.

России, как и другим государствам, придётся адаптировать свои внешнеполитические подходы к этим трендам, чтобы найти баланс между регионализацией внешнеполитических усилий в одних случаях и поиском партнеров и союзников на глобальном уровне — в других.

Вместе с тем останется открытым вопрос о том, как регионализация скажется на поиске решения всего набора глобальных проблем, включая достижения целей устойчивого развития, преодоление нищеты и бедности, борьбы с организованной преступностью, международным терроризмом, наркотрафиком, отмыванием денег. Ответом могут стать зарождающиеся системы уже не международного, а межрегионального (трансрегионального) регулирования и управления. Одним из наиболее перспективных трендов в этом отношении можно считать создание такой трансрегиональной структуры, как БРИКС, и подключение к её работе всех соответствующих регионов.

Ренационализация мировой политики: миф или реальность?

Общий эпидемиологический и связанный с ним экономический кризис усилил конфликтность международных отношений. Ни одна из инициатив, исходящих от лидеров отдельных стран и Генерального секретаря ООН, о прекращении боевых действий, заключении перемирия, снятии санкций хотя бы на время общего бедствия не была услышана.

Конфликтность нашла своё проявление и в подрыве международных организаций различного типа, дерегуляции международных отношений и попытках заменить их односторонними мерами и проекцией вовне национального законодательства. Мейнстримом мировой политики стали отказ от сотрудничества и стремление отстаивать и продвигать решения, которые наносят ущерб не только противникам, но и партнёрам. Санкции превратились в универсальное средство внешней политики.

При Д. Трампе осуществлялось наступление на деятельность международных организаций: Вашингтон спровоцировал частичный паралич ВТО, прекратил сотрудничество с ВОЗ, вышел из многосторонних торгово-экономических инициатив (ТТИП, ТТП), последовательно критиковал ООН и т. д. Вместе с тем наиболее опасным направлением подмены международных организаций индивидуальными мерами стали действия в обход Совета Безопасности ООН, его превращение в площадку для выдвижения претензий, обвинения ООН в недостаточной эффективности.

Отставание международной регулятивной системы от потребностей сегодняшнего дня — обратная сторона наступления на полномочия и деятельность международных организаций. Отставание наблюдается особенно в регулировании вопросов уместности и практического использования сис-

тем искусственного интеллекта, биотехнологий, произвольного закрытия аккаунтов в социальных сетях и ограничения свободы слова. Вместо норм международного права всё шире используется проекция вовне внутреннего законодательства. Общей практикой для США и ЕС стало позиционирование внутреннего права как заменяющего и отменяющего международное. Так, США вынудили все страны принять требования американского национального законодательства об автоматическом обмене банковскими данными в соответствии с *FATCA* (закон о налоговой отчётности по зарубежным счетам).

Наибольший удар по сложившемуся международному порядку и сотрудничеству наносят односторонние санкции. Из мер чрезвычайного характера, используемых очень осторожно и в исключительных ситуациях, они превратились в нечто обыденное. Оснований в международном праве они не имеют⁵, в качестве правовой базы, однако, используются национальное законодательство и презумпция угрозы национальной безопасности. Таким образом, ещё больше размывается грань между дозволенным и неправомерным поведением государств, между силой права и правом силы. Это добавляет ещё одну грань разгоревшимся спорам между государствами, настаивающими на приверженности миропорядку, основанному на правилах, и теми, кто придерживается классического прочтения целей и принципов Устава ООН.

Принимающая такие формы национализация мировой политики является противотрендом мирового развития. Она отрицает весь опыт, накопленный предшествующими поколениями. Ослабить негативное влияние индивидуализма государств и националистические притязания может лишь диверсификация и укрепление форматов международного сотрудничества, находящихся свою реализацию в поддержке надлежащего функционирования всё более властных профессиональных, работающих на общий интерес международных организаций. Наиболее влиятельным из них является, конечно, ООН и её центральный элемент — Совет Безопасности. В публичной сфере не прекращаются целенаправленные атаки на него, при этом намеренно игнорируется, что разногласия между постоянными членами СБ ООН связаны с ограниченным кругом вопросов, по которым их интересы диаметрально расходятся. Попытки отстранить СБ ООН от урегулирования наиболее сложных и противоречивых конфликтов могут привести лишь к их обострению и ещё большей интернационализации, как показал опыт Афганистана и Ирака.

Паралич ОБСЕ легитимирует гонку вооружений в Европе и, возможно, будущее размещение оснащённых ядерным оружием ракет средней и малой дальности на континенте. Конфликт в Совете Европы делает прозрачными все проекты построения общего правового, социального, гуманитарного или экономического пространства от Атлантики до Тихого океана.

⁵ Kochler H. Sanctions and International Law. [International Organisations Research Journal], 2019, vol. 14, no. 3, pp. 27–47.

Система международных организаций поэтапно создавалась в течение XIX–XX вв. не только в целях расширения и углубления международного сотрудничества, но и для решения не менее, а может быть, даже более важной задачи — не допустить доминирования какой-либо сверхдержавы. Она превращала коллективное управление в буфер, препятствующий любым притязаниям на мировое господство.

США, ломающие международные организации или подчиняющие их своей воле, преследуют цель создания управляемой ими системы международных отношений. По окончании холодной войны США считали, что им не нужно менять сложившуюся структуру глобального управления: они стали единственной супердержавой, чьи интересы должны автоматически обслуживать институты мировой системы. Однако несмотря на сбои, логика функционирования международных организаций как инструмент согласования интересов и позиций государств-членов оказалась более жизнеспособной, чем представлялось в период первого «конца истории».

Это объясняет последовавшее наступление на конгломерат международных организаций и его флагмана в лице ООН. Бомбардировки Югославии в 1999 г. в обход санкций СБ ООН, интервенция в Ирак и волюнтаристская интерпретация НАТО резолюции по Ливии позволили США серьезно подорвать авторитет и влияние Совета Безопасности. При администрации Дж. Байдена этот курс, основывающийся на мессианстве США, будет продолжен хотя бы потому, что его команда будет обеспечивать преемственность внешнеполитической линии предшествующих демократических администраций.

Поэтому, заявляя о кризисе международных организаций или о необходимости выхода из региональных международных структур, Москва фактически поддерживает логику не союзников, а конкурентов. Более перспективную позицию занимает Пекин. Он, напротив, усиливает своё влияние в международных организациях и шаг за шагом увеличивает взносы в их бюджеты — это позволило ему получить в универсальных финансовых институтах больше голосов и больше влияния⁶. Что особенно важно, КНР сумела получить признание юаня в качестве международной валюты.

Параллельно Пекин создаёт альтернативные западным международные структуры — широчайшие системы зон свободной торговли (Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Банк развития БРИКС). За мультилатерализм традиционно выступает и Европейский союз. В рамках международных организаций он имеет возможность искусно использовать преимущества блоковой политики, которая осуществляется столь большой группой входящих в него государств.

Скорее всего, будущее международных организаций во многом будет определяться противоборством США и КНР, так как они придерживаются прямо противоположных установок. США стремятся не столько демонтировать

⁶ Кузнецов А. В. Валютная политика Китая: вызов гегемонии США? // Финансы и кредит. — 2017. — №16 (736).
Ноздрев С. В. Финансовая интеграция стран Азии: региональный аспект // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — т. 63, №12. — С. 23-31.

систему международных организаций, сколько переформатировать её полностью и исключительно под свои интересы. Так, Д. Трамп никогда не выступал против ВТО как организации, но оспаривал то, каким образом в ущерб американским интересам ею пользовались Китай и ЕС (ФРГ)⁷. Дж. Байден, в свою очередь, вернул США не в ту ВОЗ, на которую обрушивал критику Д. Трамп, а в ту, которая ведёт расследование причин возникновения и распространения пандемии в КНР.

Вашингтон обязательно добьётся частичного переформатирования системы международных организаций, вопреки упорному сопротивлению Пекина. Основной вопрос заключается в том, какой компромисс будет найден между ведущими мировыми игроками.

Глобализация неравенства

Проблема нарастающего неравенства становится всё более структурно значимым фактором развития международной системы. Наибольший удар кризис 2007–2009 гг., пандемия и её экономические последствия нанесли по среднему классу⁸. Например, в США доля среднего класса в имуществе за 2008–2019 гг. сократилась на 1,54%, тогда как доля самых богатых увеличилась на 2,72% (рис. 4). За год пандемии количество долларовых миллиардеров резко подскочило и в Китае, и в США, и в других странах. Капитализация крупнейших мировых ТНК выросла. Бремя кризиса легло на плечи среднего класса и неимущих слоёв населения, хотя без колоссальных расходов на поддержку рынка труда, домохозяйств, местных властей, мелкого и среднего предпринимательства ситуация была бы намного хуже.

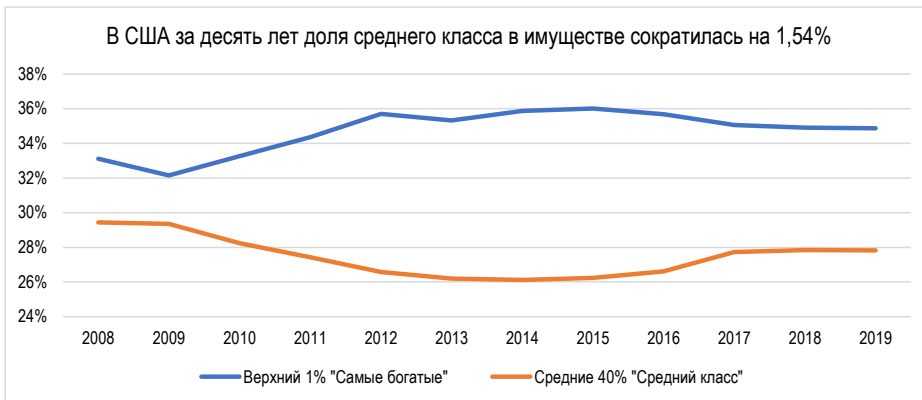

Рисунок 4 — Соотношение доли верхнего 1% самых высоких доходов и доли 40% «среднего класса» (до налогообложения) в мире в динамике, 2008–2019.

Источник данных: World Inequality database. URL: <https://wid.world/>&

Подробнее о методологии см. URL: <https://wid.world/methodology/>

⁷ Swanson A. Trump Cripples W.T.O. as Trade War Rages // The New York Times. 08.12.2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/08/business/trump-trade-war-wto.html>

⁸ Stiglitz, J. Conquering the Greate Devide // IMF. 09.2020. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/09/COVID19-and-global-inequality-joseph-stiglitz.htm>

Пандемия и все предпринятые антикризисные меры убедительно продемонстрировали: мировая экономика устроена таким образом, что воспроизводит неравенство. Чтобы его преодолеть в масштабах планеты, необходимо перераспределение доходов в пользу более бедных стран, на что развитый мир при сохранении нынешнего миропорядка никогда не пойдёт. Преодоление неравенства на национальном уровне, как показывает опыт Норвегии, Швеции и ряда других стран, требует введения прогрессивного налогообложения и его резкого повышения одновременно во всех или большинстве стран. Это невозможно без соответствующей переналадки социально-экономической модели современного капитализма. Показательно, что предложения администрации Дж. Байдена на излёте первых ста дней президентства поднять корпоративный налог, уменьшенный Д. Трампом, и ввести особый налог на сверхдоходы, вызвал неудовольствие не только у американского бизнеса, но и внутри Демократической партии.

С учётом пороков принятой в мире модели социально-экономического развития массовое внедрение систем искусственного интеллекта, цифровых, медицинских и биотехнологий — это в долгосрочной перспективе наиболее значимый технологический фактор роста неравенства. Роботизация труда и оптимизация управленческих и производственных процессов за счёт использования цифровых технологий приведёт к росту уровней безработицы, бедности и неравенства. «Чёрные лебеди» в виде пандемии будут лишь усиливать возможные негативные социальные последствия новой технологической реальности. Стремительное развитие телекоммуникационных технологий и практик в период пандемии уже стимулирует многих работодателей в России и за рубежом нанимать сотрудников на аутсорсинг и формировать тем самым более гибкие системы управления кадровыми ресурсами.

В России одно только внедрение беспилотных автомобилей потенциально может привести к схлопыванию до 6,8 млн рабочих мест — именно в такую цифру количество работающих водителями различных видов транспорта оценивает Росстат⁹. Уязвимы и другие наиболее распространённые профессии: продавцы, охранники, офисные работники.

В долгосрочном плане при сохранении нынешних традиций подготовки кадров и их выхода на рынок труда государства будут вынуждены либо отказываться от новых технологий и замедлять их внедрение по политическим причинам, либо вводить программы фактического, формального или неформального субсидирования рабочих мест, которые не будут иметь значимого экономического смысла. Первый путь чреват технологическим и экономическим отставанием, снижением конкурентоспособности, второй — негативными социальными последствиями, обременением государственных бюджетов (что будет неизбежно стимулировать и рост государственной задолженности) и повышением «хрупкости» государственных сис-

⁹ Занятое население в возрасте 15–72 лет по полу и группам занятий на основной работе в 2016–2019 гг. // Росстат. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud11-okz_15-72\(1\).xls](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud11-okz_15-72(1).xls)

тем. Кризис систем государственного или частного субсидирования может привести к резкому росту социальной напряжённости и коллапсу государственного порядка внутри страны. Решением этой дилеммы может стать фундаментальная перестройка систем образования и профессионального воспроизводства, формирования альтернативных путей вывода на рынок новых специалистов и адаптации старых.

Для международной политики эти процессы играют важную структурную роль. Возможности экономических санкций и иных видов экономического давления потенциально расширяют уязвимость государств при выборе той или иной модели. Новый технологический уклад в значительной степени обесценит так называемую дешёвую рабочую силу, что ударит по миграционным потокам и приведёт к усилению социальной напряжённости в странах миграционного исхода. В конечном счёте это будет способствовать увеличению бедности в глобальном разрезе.

Ослабление среднего класса, по-видимому, будет неизбежно вести к политическим деформациям, особенно в тех странах, где он играл структурно значимую роль. Это уже проявляется в ослаблении центристских политических сил в западных странах, прежде всего — в США, где радикализацию Республиканской и Демократической партий можно отнести напрямую к отложенным социальным последствиям кризиса 2007–2009 гг. Радикализации этих партий в последнюю президентскую кампанию также способствовали социальные, экономические и психологические последствия пандемии.

Похожие процессы — ослабление легитимности элит и подъём политического радикализма и популизма — наблюдаются по всему миру и уже стали новой нормальностью политической жизни. Опасность этих процессов очевидна: от неконвенциональных и безответственных внутривнутриполитических кампаний, грозящих деструктивными последствиями для всей государственной системы, до внешнеполитического авантюризма, особенно пагубного в период роста конфликтной напряжённости на фоне борьбы за региональное лидерство и роста внешнеполитического национализма.

Купировать негативные эффекты роста неравенства (в особенности т. н. технологического неравенства) на международном уровне можно путём перестройки глобальной институциональной архитектуры борьбы с неравенством. Существующая система институтов развития, основанная главным образом на перераспределении экономических ресурсов и поддержке институциональных изменений в странах-реципиентах, позволила достичь определённых позитивных результатов, что демонстрируют такие индикаторы, как рост глобального ВВП на душу населения¹⁰, сокращение абсолютной бедности¹¹ и количества людей, испытывающих постоянную нехватку доступа к питьевой воде¹². Однако существующая система ориентирована на

¹⁰ GDP per capita (current US\$) // The World Bank Database. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>

¹¹ Poverty // The World Bank Database. URL: <https://data.worldbank.org/topic/poverty>

¹² WHO UNICEF Joint Monitoring Programme. URL: [https://washdata.org/data/household#/#/](https://washdata.org/data/household#/)

предоставление «рыбы, а не удочки» и в значительной степени способствует фундаментальному закреплению глобального неравенства, на фоне борьбы с его наиболее радикальными и социально опасными проявлениями.

Существующая глобальная архитектура борьбы с неравенством мало учитывает технологическую перестройку мировой экономики, в чём проявляется её главная структурная уязвимость. Между тем ограничение трансфера технологий и «технологический меркантилизм» в условиях усиления международного соперничества останутся определяющей чертой развития мировой экономики и политики. Это проявилось в утверждении технологического монополизма на рынке коронавирусных вакцин, фактическом сдерживании передачи столь нужных технологий странам условного третьего мира, невзирая на возможные негативные эпидемиологические последствия.

Риск обрушения социальных систем от поспешного внедрения технологий, ослабляющих адаптационные возможности общества, особенно актуален для стран с недостаточно развитыми и устойчивыми системами. Вкупе с рисками неравномерного технологического развития они делают осязаемой угрозу коллапса политических порядков в отдельных государствах, регионах и даже на глобальном уровне, что будет иметь соответствующие негативные международные последствия.

Во избежание худших сценариев ведущие государства уже сейчас должны начать работу над перестройкой существующей архитектуры борьбы с неравенством не только с точки зрения вкладывания больших ресурсов, но и с точки зрения создания более транспарентных международных механизмов, направленных на включение развивающихся экономик в процесс смены технологического уклада и их качественное социально-экономическое развитие.

Такие меры могли бы не только оказать позитивное воздействие на социальную устойчивость мировой экономики и глобальной безопасности, но и сформировать основу глобального сотрудничества, которая бы заполнила вакуум политической повестки мирового уровня. Пока такую роль «объединяющей» и более или менее разделяемой всеми повестки играет только борьба с изменением климата, с помощью которой проблематика неравенства отодвигается на второй план.

Международная безопасность в разделенном мире

Сегодня на международную безопасность всё больше влияют кризис глобальной повестки, её регионализация и локализация, фактическое низведение диалога по безопасности к вопросам иного типа (климатическим и экологическим вопросам), усиление межгосударственной конкуренции на региональном уровне. Появляются новые вызовы технологического и цифрового характера, диалог о купировании которых не ведётся или саботируется, а также наблюдается высокий уровень популизма и, как следствие, снижение ответственности элит, в некоторых случаях — депрофессионализация внешнеполитического истеблишмента и обеспечивающей его экспертизы.

На практике эрозия системы глобальной безопасности проявляется на двух уровнях. Во-первых, происходит её быстрая институциональная деградация. За последние несколько лет исчезло несколько ключевых соглашений и режимов, которые обеспечивали стратегическую стабильность: в 2019 г. США, а вслед за ними и Россия вышли из Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД), в 2020 г. по инициативе Вашингтона перестал действовать правовой режим Договора по открытому небу. Тревогу вызывает и двусторонний режим контроля над стратегическими наступательными вооружениями и их сокращения. Хотя администрация Байдена пошла на продление договора СНВ-3, поднятая предыдущей республиканской администрации дискуссия о необходимости подключения к нему Китая — ясный сигнал о долгосрочной линии США в этом вопросе. В ближайшие пять лет ведущим ядерным державам предстоит либо трансформировать существующие модели соглашений о сокращениях вооружений, либо потерять ещё один договор и перейти к поддержанию стратегической стабильности вообще без каких-либо основополагающих соглашений.

Существуют и риски расшатывания глобального режима нераспространения ядерного оружия (ДНЯО), связанные как с негативным политическим фоном в целом (ростом великодержавной конкуренции, усилением конфликтности мировой политики), так и с конкретным фактором — отсутствием чётких параметров долгосрочной политики США в отношении Ирана и Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). Выход администрации Д. Трампа из соглашения с Ираном продемонстрировал неустойчивость достигнутых соглашений и вернул дискуссии о создании собственного ядерного оружия в повестку как Ирана, так её регионального конкурента — Саудовской Аравии. Возвращение администрации Дж. Байдена к поддержке СВПД вряд ли сможет компенсировать нанесённый ему ущерб. На мельницу ядерных амбиций отдельных стран льёт и опыт предшествующих лет: негативный пример Ливии, отказавшейся от своей ядерной программы и ставшей жертвой агрессии в 2011 г., и условно позитивный опыт КНДР, создавшей свой ядерный щит, который обеспечил эффективное сдерживание США и их союзников.

При этом в условиях усиления конкуренции между великими державами ослаблены и другие конструкции обеспечения глобальной безопасности, прежде всего — ООН. США и их союзники ведут кампанию по дискредитации Совета Безопасности, для чего используется инструментарий противостояния между западными членами СБ и Россией с Китаем, что снижает эффективность этого базового органа глобальной системы безопасности. Усиление великодержавной конкуренции блокирует создание и новых режимов безопасности, необходимость которых определяется технологическим развитием человечества и появлением новых областей потенциального конфликта. В частности, фактически свёрнут содержательный диалог по созданию международного режима информационной безопасности из-за доктринальных противоречий между российским и американским подходами. Провалом окончились и попытки запустить устойчивую и эффективную международную координацию борьбы с пандемией.

Во-вторых, продолжается деградация самой повестки глобальной безопасности и сжатие пространства для диалога в этой области. С начала 2000-х гг. центральную роль в этой повестке играла глобальная война с терроризмом. Именно вокруг антитеррористической повестки США стремились объединить весь мир и откалибровать американоцентричную глобальную систему безопасности. Однако результаты начатой США войны с террором оказались плачевными как для самого Вашингтона, не сумевшего победить в двух крупных военных кампаниях в Афганистане и Ираке, так и для всего остального мира. В результате террористическая угроза не просто не сошла на нет, а значительно усилилась по сравнению с началом 2000-х гг. и стала угрозой уже не только для безопасности людей, но и целых стран и регионов. Подъём в 2014 г. Исламского государства привёл к конфессиональному распаду Ирака, нанёс удар по и так ослабленной государственности Сирии и ещё больше дестабилизировал весь регион Ближнего Востока.

«Странная» борьба против Исламского государства и в целом терроризма в регионе Большого Ближнего Востока в последние годы явилась яркой демонстрацией того, что антитеррористическая повестка не просто перестала быть объединяющим фактором, но в известном смысле превратилась в зону конфликта между ведущими державами. Фактически на определённом этапе в регионе действовали две коалиции: одна во главе с США, другая — с Россией. Их подходы к борьбе с терроризмом принципиально, иногда диаметрально противоречили друг другу по ключевым моментам: от судьбы режима Башара Асада до определения, какие из многочисленных региональных организаций и группировок относятся к террористическим.

Вместе с тем деградация глобальной системы и повестки безопасности, по-видимому, — объективный процесс. В таком случае разумным подходом, наряду с попытками предотвратить окончательный распад элементов глобальной архитектуры безопасности, является выработка стратегии адаптации к новой, многоукладной и децентрализованной модели её обеспечения. Значительная часть текущей повестки безопасности — военной, гуманитарной, связанной с нетрадиционными вызовами и угрозами, — перетекает на региональный и национальный уровни, где не работает отрицательный фактор великодержавной конкуренции и где их, соответственно, проще решить. В ближайшее десятилетие международная кооперация в области безопасности будет сосредоточена на модернизации старых или построении новых региональных архитектур её обеспечения с поправкой на усилившуюся роль региональных лидеров, которые будут вынуждены принять на себя роль не только экономических и политических центров, но и гарантов и экспортёров безопасности.

В новых условиях упорядочивание процесса регионализации безопасности должно вестись в нескольких направлениях. Во-первых, этот процесс не должен превратиться просто в формирование региональных сфер влияния во главе с региональными гегемонами (маленькие однополярные системы), так как такой подход закладывает огромный потенциал конфликта как вну-

три региона, так и на трансрегиональном уровне, в том числе между региональными лидерами. В основе региональных систем безопасности должны быть легитимные институциональные архитектуры, базирующиеся на ресурсах «мягких левиафанов» — региональных лидеров, предоставляющих военный и экономический потенциал для борьбы с внутри- и внерегиональными вызовами и угрозами и выполняющих роль перемищки между национальным, региональным и глобальным уровнями безопасности.

Во-вторых, такая система должна строиться на широкой институциональной архитектуре для поддержания постоянного и позитивного диалога между региональными лидерами и всеми заинтересованными сторонами. Само по себе усиление регионального уровня в современной системе глобальной безопасности сопряжено с большими вызовами и неизбежными потенциальными конфликтами. Значительную трудность вызывает даже само определение «регионального», не говоря уже о географических и политических границах таких региональных зон безопасности.

Россия, например, выступает за построение широкой с точки зрения географии и набора участников архитектуры безопасности в рамках «Большой Евразии», но все ли игроки этого макрорегиона готовы принять такую концепцию за основу для создания новой экосистемы сотрудничества? Трудным вопросом будет модернизация европейской системы безопасности: множественность входящих в неё форматов и компонентов, разное понимание её географической протяжённости и самой повестки — всё это делает невозможным её «разгрузку» и упрощение. Схожая ситуация многоформатности, многоукладности и многоакторности наблюдается и в Азии.

Вместе с тем жёсткая система региональной фрагментации безопасности и не нужна: региональные форматы и архитектуры должны дополняться трансрегиональными и глобальными. Одной из ключевых задач в этих условиях будет уточнение распределения функций между различными форматами, архитектурами и игроками, отделение функциональных институтов от «спящих» и «мёртвых», постепенный сброс последних.

В-третьих, региоцентричная система безопасности не должна деградировать до формирования региональных военно-политических блоков во главе со своими гегемонами и возникновения конкуренции между ними. В этом смысле множественность глобальных, трансрегиональных, региональных и локальных форматов взаимодействия, политических связей и институтов может частично сдерживать возможные попытки лидирующих в отдельных географических зонах государств структурировать окружающую их международную среду «под себя» в виде собственного военного или экономического блока гегемонистского типа. Немаловажную роль должно играть и поддержание стратегического диалога между великими державами, а также ключевыми региональными игроками, чтобы не допустить эскалации региональных и двусторонних проблем.

В-четвёртых, усиление регионального компонента безопасности не означает свёртывание глобальной повестки и архитектуры. Значительная часть

вызовов и угроз по-прежнему носит не просто транснациональный, а глобальный характер: стратегическая стабильность, информационные угрозы и кибербезопасность, инфекционные угрозы, экология, международный терроризм, миграция. Все эти вызовы имеют ярко выраженное глобальное измерение, хотя некоторые из них и поддаются эффективному региональному купированию и регулированию. Регионализация безопасности должна не ослаблять глобальную систему, а усиливать её. Однако принципиально, что фундаментальной переоценке должна подвергнуться и роль глобального уровня безопасности: из уровня выработки и имплементации он должен превратиться в уровень координации и коммуникации, стать связующим звеном экосистемы региональных и трансрегиональных архитектур безопасности.

В-пятых, регионализованная система безопасности не может строиться на каких-либо универсальных подходах, повестках и ценностях. По-видимому, сохранение глобального мира диктует необходимость ряда общемировых, разделяемых всеми участниками международной жизни правил, норм (в том числе этических) и практик, которые составляют основу современного международного права и дипломатического общения. Однако интервенция любых политических доктрин и идеологий в это глобальное нормативное пространство, попытка экспорта политических ценностей из одного региона в другой вызовет только отторжение и напряжённость, какими бы верными ни казались эти ценности. Идеологический компонент должен — во всяком случае пока — стать предметом внутренним, национальным. Хотя администрация Дж. Байдена продемонстрировала, что будет этому всячески противиться.

Продвижение на этих направлениях может привести к созданию более эластичной и многослойной системы безопасности, сочетающей локальные, региональные и глобальные уровни и повестки, укреплению институциональных механизмов быстрого реагирования на вызовы безопасности на разных уровнях и формированию стремительно адаптирующихся к изменениям международных механизмов управления. Такая система будет, с одной стороны, учитывать амбиции крупных игроков, с другой — делать их ответственными игроками и гарантами безопасности, а не деструкторами. При этом такая регионализованная система на практике может стать гораздо более эгалитарной, чем несостоявшийся глобальный однополярный международный порядок, модель которого предлагалась миру после окончания холодной войны, но только если удастся сохранить общемировую систему глобальной безопасности, альтернативы которой нет и не может быть. Россия обладает потенциалом не только встроиться в эту повестку, но и предложить её видение и стать её активным архитектором.

Новый технологический уклад: обострение старых проблем и появление новых

Человеческая цивилизация преждевременно была названа технологической. По-настоящему технологической она становится с повсеместным переходом на использование систем искусственного интеллекта в управле-

нии, производстве, творчестве. Уже сейчас информационные, когнитивные и другие перспективные технологии оказывают определяющее влияние на мировые экономику, политику и социальную сферы. Их влияние будет экспоненциально возрастать. Будущие войны будут вестись не человеком, а системами ИИ в киберпространстве. На смену конкуренции в производстве товаров и завоевании потребительских рынков уже пришла конкуренция в области технологий. Социальную значимость человека будет определять не его состояние и встроенность в государственные структуры, а способность управлять системами ИИ и корректировать их деятельность.

Новейшие технологии в теории позволяют человечеству реализовать многовековую мечту о построении общества братства, равенства и справедливости. Сегодня благодаря этим технологиям человек из потребителя энергии, информации и товаров превращается одновременно и в их создателя. Вместе с тем системы ИИ делают человека ненужным, так как могут заменить его.

Однако при нынешней организации общества новейшие технологии не решают глобальные проблемы. Они безмерно расширяют возможности человека, но одновременно они многократно усугубляют существующие проблемы и создают ещё более сложные, которые человечеству только предстоит решить. В их числе, прежде всего, углубляющееся неравенство между государствами, внутри государств, между различными стратами общества и проблема «лишних» людей. Кроме того, захват информационной сферы и возможностей влияния на поведение человека и больших групп людей, в том числе в целях дестабилизации политических режимов, подчинения личности тотальному контролю под предлогом обеспечения безопасности и пресечения криминальной деятельности.

Особую опасность представляют наделение новых боевых систем возможностями самостоятельного принятия решений и их производство в неосуществимых прежде количествах, а также размещение этих систем в новых сферах (космическое пространство, глубины океанов, Арктика и Антарктика), что неминуемо ведёт к милитаризации.

Проблемы будущего многочисленны: структурная безработица нового типа и отсутствие достаточно мощных социальных систем поддержки тех, в ком общество перестает нуждаться; проблема десоциализации человека, который не будет нуждаться в общении с другими людьми, поскольку иллюзорный мир общения, комфорта и привязанностей будут создавать человекоподобные системы; проблема дегуманизации и деградации человека, который получит в своё распоряжение таких роботов, которые внешне не отличаются от человека, но вместе с тем не воспринимаются как живые существа; наконец, проблема утраты контроля над функционированием систем искусственного интеллекта. Серьёзность этих вопросов пока не осознаётся, но все их нюансы в самой примитивной форме начинают обыгрываться современным кинематографом («Экс-машина» 2014 г., «Она» 2013 г., «(Не)идеальный мужчина» 2020 г.).

Качественно иную систему проблем экономического, социального, гуманитарного характера создаёт евгеника. С одной стороны, она позволяет принципиально иначе бороться с болезнями и девиациями личности и расширяет физические и творческие возможности человека. С другой — открывает ящик Пандоры непредсказуемых физических и психических искусственных мутаций. Правовое регулирование на национальном и международном уровнях на настоящий момент запрещает эксперименты и использование новейших технологий внесения изменений в генотип человека. Однако возможности победы над многочисленными болезнями человека, решения проблем здоровой старости и увеличения продолжительности жизни настолько перспективны и привлекательны, что никакое правовое регулирование не сможет остановить прогресс науки, внедрение и использование биотехнологий. На этом направлении необходим запуск новых форматов переговоров для определения международных этических и коммерческих принципов разработки и использования новейших технологий, которые должны лечь в основу международной повестки глобальных вызовов уже в ближайшее время.

Формирование государств–корпораций

Глобальный финансово-экономический кризис показал, что справиться с его последствиями может только мощное государство. Эффективно работающий государственный аппарат необходим для устойчивости экономики и финансов, предотвращения новых кризисов и предсказуемого функционирования рыночной экономики. Именно эта установка на сильное государство позволили Китаю, «азиатским тиграм», но также США и ЕС при всей их антиэпидемиологической слабости предотвратить крах национальной и мировой экономики в 2020–2021 гг. за счёт осуществления сверхактивной монетарной политики.

Ещё совсем недавно казалось, что, осуществив санацию экономики, государство вновь уступит главенствующую роль бизнесу и ведущим мировым ТНК. При администрации Д. Трампа стало очевидным, что представления прошлого, согласно которым «что хорошо General Motors, хорошо и США», больше не соответствуют реальности. Государство диктует компаниям, как они должны выстраивать производственные цепочки (релокализация производств), с кем можно сотрудничать, а с кем — нет (ограничения на технологическое взаимодействие), и задаёт некоторые базовые параметры стратегического планирования (климатическая, экологическая, энергетическая повестка)¹³. Таким образом, оказалось, что соотношение между государством и бизнесом является переменной величиной. То, что всегда было и останется константой для рыночной экономики, — это неразрывная связь между ними, установка на то, чтобы работать вместе и помогать друг другу продвигать свои интересы, особенно в случае экспорта вооружений и строительства АЭС.

¹³ The Global Risks Report 2021 // World Economic Forum.
URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf

Как следствие, всё последнее развитие мира показало, что наиболее эффективной формой организации связки «гражданин — бизнес — государство» является государство-корпорация.

По пути использования подобной системы государственного капитализма в качестве конкурентного преимущества идут Южная Корея, Сингапур, Филиппины, Индонезия, Малайзия, Узбекистан, Вьетнам, Тайвань и КНР. В ближайшие десятилетия, в отличие от предыдущего периода, роль государства-корпорации, а не корпорации-государства или государства-регулятора, будет усиливаться, поскольку только мощь крупнейших государств может обеспечить решение триединой задачи по сохранению социального мира, осуществлению технологического маневра и подавлению иностранных конкурентов. Первым государством-корпорацией была Япония. Подобная политическая и социально-экономическая организация общества позволила ей подняться от разгромленного в войне государства до вершин международной экономической конкурентоспособности.

Государство-корпорация — это такая организация рыночной экономики и общества, при которой поставленные государством задачи реализуются совместно и эффективно государством, бизнесом, неправительственными структурами, научными, образовательными учреждениями и населением, при этом не допускается превалирование частного и меркантильного интереса над общим, массовая коррупция и утечка мозгов и капиталов.

Решаемые задачи также совместно формулируются государством, бизнесом и неправительственными структурами при поддержке населения (вероятно, за счёт использования минимально достаточной критической социальной массы, которая на каждом этапе может быть различной), что создаёт необходимые предпосылки для социальной консолидации, устойчивого системного внутреннего развития, высокой международной конкурентоспособности и внешнеэкономической экспансии.

При осуществлении транзита такая модель государственного капитализма, как показала история, близка к оптимальной. Следствием пандемии и усилий по борьбе с ней на национальном, региональном и глобальном уровнях стало ускорение транзита от социально-экономической модели прежнего типа к экономике человека. Формирование такой экономики потребует «дирижёрской палочки» со стороны государств и корпораций. Одновременно она станет особенно востребованной в связи с дальнейшей атомизацией общества, производства, потребления и т. д. Государство вынуждено будет обеспечить новый баланс для решения проблем занятости, сохранения «ткани» общества, когда человек будет испытывать в нём потребность всё меньше и меньше.

Согласно существующему предубеждению, государство-корпорация характерно в большей степени для азиатских стран, что до настоящего времени во многом подтверждалось и практикой. Однако ход дискуссии последнего Всемирного экономического форума в Давосе 2021 г. продемонстрировал, что к близкому, хоть идеологически иначе оформленному сценарию скло-

няются страны, считающие себя авангардом либерального мира, — США и ЕС. Они сформулировали два основных посыла. Во-первых, классический капитализм изжил себя: он не может справиться с новыми вызовами и подлежит пересмотру через реформирование отношений по линии всей цепочки «человек — бизнес — государство». Во-вторых, ему на смену должно прийти что-то похожее на «общественный капитализм» — основные элементы связки государства и корпорации, которые обеспечивают решение как макро-, так и микроуровневых вызовов на уровне отдельного человека.

Россия перед лицом мегавызовов

Новая парадигма развития для России

К началу третьего десятилетия XXI в. предыдущий цикл исторического развития США, ЕС и других международных игроков, а также мировой политики и экономики в целом завершился. Кризисные явления абсолютно во всех регионах и неудовлетворённость людей тем, что происходит в мире, породили феномен Д. Трампа, *Brexit*, кризис либерализма, волну национализма и радикализма. Структурно повсюду на разбалансировку политики и экономики на национальном, региональном, глобальном уровне откликнулись одинаково — поиском новой национальной идеи или её обновлением.

Главной находкой Д. Трампа, привлёкшей на его сторону десятки миллионов американцев, продолжающих верить в него и после поражения на выборах 2020 г., стали идеи возрождения американской мечты. Он провозгласил не то что Америка станет великой, а что каждый американец снова сможет стать великим¹⁴. Д. Трамп пообещал вдвое снизить корпоративный налог (до 21%), что было сделано уже за первый год его президентства¹⁵, предложил бизнесу заняться возвращением производственных мощностей на территорию США и «поставить на место» китайских, европейских и прочих конкурентов. При нём американская экономика приобрела прежнюю динамику¹⁶: безработица стала сокращаться¹⁷, капитализация американских компаний пошла в гору¹⁸, завершилась первая волна трансформации экономики и общества под влиянием четвёртой технологической революции и стартовала следующая. В США начала осуществляться меритократическая, а не случайная, как раньше, миграционная политика. Д. Трамп принял сворачивать избыточное военное присутствие США за рубежом. Несмотря на беспрецедентное шельмование всего того, что он делал, в действительности весомую экономическую отдачу получили все слои общества.

Пандемия, ошибки руководства страны в борьбе с ней и системная непригодность американского здравоохранения и общества в целом к вызовам такого типа задержали, но не остановили подъём американской экономики и перестройку общества. Дж. Байден и его команда в пику предшественнику провозгласили главной целью политики, к осуществлению которой они уже приступили, консолидацию американского общества.

¹⁴ Inaugural address: Trump's full speech // CNN. 21.01.2017.

URL: <https://www.cnn.com/2017/01/20/politics/trump-inaugural-address/index.html>

¹⁵ Trump slashed corporate tax rates to 21%, but many companies paid far less than that // Dallas News. 12.01.2020.

URL: <https://www.dallasnews.com/business/commentary/2020/01/12/trump-slashed-corporate-tax-rates-to-21-but-many-companies-paid-far-less-than-that/>

¹⁶ Trump's Economy Really Was Better Than Obama's // Bloomberg. 30.10.2020.

URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-10-30/trump-s-economy-really-was-better-than-obama-s>

¹⁷ Long H. U.S. hiring slows modestly, but employers still say this is a 'golden age' to get a job // Washington Post. 02.08.2019.

URL: <https://www.washingtonpost.com/business/2019/08/02/us-hiring-remains-solid-with-jobs-added-july-unemployment-rate-holds-steady-percent/>

¹⁸ Market capitalization of listed domestic companies (current US\$) - United States // The World Bank Database.

URL: <https://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.LCAP.CD?locations=US>

Но она возможна лишь при условии возрождения американской мечты, так как это две грани одного и того же внутри- и внешнеполитического курса.

В ЕС необходимость обновления «европейской мечты» и возвращения интеграционному проекту прежней привлекательности почувствовали примерно в эти же сроки. Образ Европейского союза сильно поплёк в результате кризиса евро, миграционного кризиса, феномена *Brexit*, напряжённости в отношениях между ядром и периферией ЕС, внешнеполитических провалов. Однако новое видение Европейского союза государства-члены смогли дать только в разгар первой пандемии. Триллионы евро, выделяемые и привлекаемые ЕС, будут потрачены не просто на восстановление экономики, пострадавшей из-за пандемии и закрытия предприятий, а на её радикальную структурную перестройку¹⁹. Новая экономика, которую собирается строить ЕС, должна быть «зелёной», цифровизированной и циркулярной, т. е. отвечающей критериям оптимального использования сырья и возобновляемой энергетики²⁰. Второй составляющей обновлённой европейской идеи стало выравнивание уровней экономического развития благодаря колоссальным средствам, которые страны и регионы, особенно пострадавшие в результате пандемии, получают на осуществление реформ и ускоренного экономического развития²¹.

Инструментами обновления «европейской мечты» станут, по замыслу политических элит ЕС, новая солидарность, единство (в том числе в отстаивании экологической и климатической повестки), качество жизни и самоощущение европейцев. Это то, что у них не получилось раньше и что взрывает ЕС изнутри, вызывая наибольшие нарекания со стороны молодого поколения. Но в ЕС эта проблема осознана, и необходимость её решения сформулирована. Она имеет особую актуальность в связи с тем, что по окончании дорогостоящих программ поддержки бизнеса и рынка труда экономическое положение населения может резко ухудшиться и сотни тысяч людей вновь окажутся без работы. Предложенные ЕС рецепты, в том числе связанные с реализацией климатической повестки и зелёным поворотом — новой «верой» европейцев, — могут быть спорными с точки зрения методов реализации, однако важно, что национальная идея была сформулирована.

В Китае, в отличие от США и Европы, национальная идея обновляется в плановом порядке, а не в результате ротации власти или под ударами кризисов. К началу 2021 г. Китай победил абсолютную бедность²². После очередной смены поколений он должен сравняться с США по военной мощи, выйти на уровень благосостояния европейских стран, захватить технологическое лидерство, помочь развивающимся странам обрести общее с ним будущее. Сплав национальной идеи, стремительного развития и обновления, благами которых пользуются все, позволил руководству КПК вызвать эффект ува-

¹⁹ Recovery plan for Europe // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² China's Xi declares victory in ending extreme poverty // BBC News. 25.02.2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-56194622>

жения к собственной стране и пассионарности нации, которые, в свою очередь, становятся важнейшими драйверами её дальнейшего развития.

Национальная идея как мечта, видение будущего, стратегия развития и практические достижения — важнейшая составляющая внешнеполитической мощи, веса и влияния США, ЕС и Китая, цоколь колоссальной мягкой силы, которой они уже обладают, стремятся обладать или наращивают.

У России большая и тяжёлая внутренняя повестка: многие проблемы, порождённые распадом социалистического лагеря и Советского Союза, не удалось решить до сих пор. Значительная часть политической и бизнес-элиты не верит в будущее страны и хранит свои авуары за рубежом, а крупнейшие корпорации возвращают в страну лишь часть доходов от экспортных операций и ведения бизнеса на территории других государств. Более того, так и не решён вопрос о защите собственности и безопасности предпринимательства. Ежегодно Россию покидают тысячи людей, в том числе наиболее образованные и профессионально подготовленные²³. Между субъектами федерации сохраняются глубочайшие различия по уровню развития и благосостояния, удовлетворённость работой государственного аппарата крайне низкая. Различные страты общества представляют будущее страны по-разному, между тем общее стратегическое видение того, какой страна будет через десять, двадцать и более лет, отсутствует.

В этих условиях через три десятилетия после распада СССР в российском обществе наблюдается отсутствие консенсуса о том, в каком направлении должна развиваться страна и какая модель общественных отношений является оптимумом. Пожалуй, некий ограниченный консенсус в различных социальных группах можно видеть разве что относительно необходимости России идти по «особому пути» (табл. 1). Однако куда этот «тернистый» путь ведёт и как он выглядит, точного понимания нет, пожалуй, ни у кого. Он может вести и на Восток, и на Запад, и в будущее, и в прошлое.

Всё это серьёзно осложняет поиск ответов на те вызовы, с которыми Россия сталкивается сейчас и будет сталкиваться в будущем. Чтобы ответ стал более системным и эффективным, необходимо, прежде всего, обеспечить триаду «консолидация — вера — служение Отечеству».

Национальной идеей России может быть объединение всех экономически и политически активных слоёв общества в рамках установки «быть на голову выше всех». Она затрагивает струнку в душе россиянина, вызывает позитивные эмоции, ассоциируется с блестящими победами российских спортсменов в тех видах спорта, в которых мы традиционно доминируем. Такая формулировка хорошо соотносится и с тем опытом, который есть у нашей диаспоры: прошедшие два десятилетия убедили выходцев из России в том, что нужно быть на голову более образованным, предприимчивым, умным и динамичным, чем местное население, чтобы пробиться в элиту.

²³ Subbotin A., Samin A. Brain Drain and Brain Gain in Russia: Analyzing International Migration of Researchers by Discipline using Scopus Bibliometric Data 1996-2020. URL: <https://arxiv.org/pdf/2008.03129.pdf>

Таблица 1 — Готовность к переменам. Результаты социологического опроса населения России, сентябрь-октябрь 2020 г. Источник: НИУ ВШЭ

135 59. КАК ВЫ ПОЛАГАЕТЕ, ПО КАКОМУ ИСТОРИЧЕСКОМУ ПУТИ ДОЛЖНА ИДТИ РОССИЯ?	не хватает на продукты	хватает только на продукты	хватает на продукты и одежду	можем приобретать ТДП	можем позволить дорогие покупки
1. По пути европейской цивилизации	10	11	13	20	25
2. По пути развитых азиатских стран	4	3	3	4	5
3. Вернуться на путь, которым двигался Советский Союз	45	37	29	21	22
4. Идти по своему собственному, особому пути	36	42	49	52	42
5. Затрудняюсь ответить	6	8	6	4	6

В нынешних условиях, когда Россию пытаются представить в качестве противника, которым она никогда не являлась, чтобы утвердить себя, альтернативы такому подходу нет — нужно быть на голову выше своих западных и восточных партнёров. Укреплению этой парадигмы должны способствовать следующие элементы. Образование должно воспитывать не только грамотного, но и успешного, способного трансформировать будущее в зависимости от потребностей человека. Системе регулирования бизнеса необходимо ориентироваться на помощь в продвижении инновационных и любых других коммерчески оправданных решений. Государственный аппарат, в свою очередь, нужно перестроить по модели волонтерского движения, в котором показатели экономического роста и его качества — это основной критерий оценки управленческих функций.

Цель — максимально органично вписать российское общество в общемировой тренд построения экономики человека как экономики нового типа, суть которой заключается в индивидуализации производства и потребления, предоставления услуг, социализации, досуга, творчества. В какой-то степени российское общество к этому готово. За последние тридцать лет индивидуализм стал основным кредо и важнейшей отличительной чертой жителя страны, но этот индивидуализм в определённой степени негативный: его подстёгивали память о распаде СССР и стремление отгородиться от прежних стереотипов и ограничений. Сегодня он может заиграть совершенно другими красками. Новый индивидуализм будет диктовать сфере товаров и услуг что, как и в каком количестве производить и встраивать отдельного человека в производственные цепочки, он станет основным кредо дизайнерской деятельности в широкой гамме услуг от индивидуального пошива до строительства красивых непохожих друг на друга зданий и будет обуславливать то, какой отдых, где и в каких формах каждый выбирает под себя, свои вкусы и предпочтения. Это огромный и совершенно

новый рынок, построение которого — одновременно и вызов, и уникальная возможность самореализации как для жителей России, так и для всего общества.

Именно поэтому национальная идея «быть на голову выше всех» важна не только сама по себе — она необходима для перевода экономики на новую технологическую платформу, позиционирования России в мире в качестве общества-лидера и формирования плодотворной связки «современное общество — конкурентоспособный бизнес — эффективное государство».

Регионализация внешней политики России

В условиях регионализации как ведущего тренда мирового развития и ограниченности ресурсов Москва оказывается перед сложным выбором — на что сделать ставку. В прошлом глобальное проецирование национальных интересов было под силу только колониальным империям, затем — сменившим их США и СССР. Но до того, как стать глобальной державой, США стремились зарезервировать за собой влияние лишь на развитие западного полушария (доктрина Монро). В настоящее время администрация Джо Байдена пристёгивает к осуществлению собственных внешнеполитических императивов всех союзников и зависимые страны, чтобы мультиплицировать свои скудеющие силы за счёт других. Европейский союз вынужден ограничивать амбиции: в последней Глобальной внешнеполитической стратегии ЕС в гораздо большей степени делает ставку на обустройство пространства вокруг себя. Вобрав большую группу средних по величине государств Восточной Европы, которые стали оказывать растущее влияние на его внешнеполитические установки, Брюссель был вынужден пойти на регионализацию своей внешней политики. Насколько деструктивной может быть такая политика, Россия убедилась на собственном опыте. Реализацией программы «Восточного партнёрства» Брюссель усилил противоречия с Москвой, а политику объединения Средиземноморья не сумел сделать эффективной.

Вместе с тем создание вокруг себя пояса дружественных государств, осуществление политики фронтира, предполагающей перенос своих внешних границ на внешние границы дружественных государств, всегда составляло неотъемлемую часть внешнеполитической стратегии всех мировых держав и стран — претендентов на этот статус. Значит, внешняя политика России в силу огромной территории страны и её политических традиций не может быть ни чисто региональной, ни чисто глобальной. Москве необходим умный баланс между регионализацией внешней политики и обеспечением своего эффективного присутствия во всех значимых для неё регионах планеты.

Резкое ухудшение внешнеполитической ситуации для России связано не только с конфликтом по оси Восток — Запад, но и с обострением конфликтов чуть ли не по всему периметру её границ и границ Евразийского экономического союза. Соответственно, одной из основополагающих задач внешней политики должно стать воссоздание пояса дружественных госу-

дарств по периметру России и ЕАЭС при одновременном урегулировании тлеющих вокруг них конфликтов таким образом, чтобы этот пояс был прочным. В нынешних условиях эта задача архисложная, но не ставить её нельзя. Обязательными элементами её решения могут стать:

1. инкорпорация в политическую и бизнес-элиты России элит дружественных стран и тех, кого Россия хотела бы включить в этот круг, или формирование единых (общих) политических и бизнес-элит;

2. с учётом того, что колоссальным преимуществом и богатством России являются огромные территории и природные ресурсы, доступ к ним на возмездной основе следует предоставить политическим и бизнес-элитам дружественных стран. Хорошо опробованный способ — через участие в акционерном капитале российских сырьевых компаний и реализацию совместных проектов. Это уже происходит в отношении партнёров из Китая, Индии, Германии, Италии и Франции²⁴. Результатом станет не разбазаривание ресурсов и усиление конкуренции, как опасаются некоторые, а формирование общего хозяйственного комплекса суперрегиона. При таком подходе возрастут налоговые поступления в российскую казну, появятся дополнительные возможности для развития инфраструктуры за счёт внешних источников. Деньги российских налогоплательщиков и бизнеса пойдут в хай-тек и новую, а не сырьевую экономику. Таким образом под контроль можно взять и миграционные потоки. Другой составляющей общего хозяйственного механизма обязательно должны стать крупные совместные инвестиционные фонды и совместные предприятия. Всё это, естественно, возможно только при безусловно уважительном отношении друг к другу и последовательном соблюдении принципов равноправия и пропорциональности;

3. цементирующей основой пояса дружественных государств могла бы стать коллективная безопасность, построенная не на гарантиях безопасности, предоставляемых полностью и исключительно Россией и за её счёт, а на системе общей военной элиты и интегрированных военных структур. Основой для решения этой задачи призвана стать ОДКБ с порядка 50 принятых ею соглашений и протоколов, созданным оперативным и миротворческим военным потенциалом, разветвлённой системой рабочих органов. При такой постановке задачи третьи страны за пределами пояса дружественных государств также проявят заинтересованность во вхождении в общую систему коллективной безопасности.

Помимо этого, на протяжении трёх десятилетий Россия недооценивала значение русского языка в качестве главного инструмента объединения людей и народов, тяготеющих к российской тысячелетней культуре, и совершенно не учитывала опыт Великобритании и Франции, а сейчас — КНР. Москва

²⁴ Коржубаев А. Г., Филимонова И. В., Эдер Л. В. Роль иностранных инвестиций в экономике и нефтегазовом комплексе России // Вестник РУДН. Серия: Инженерные исследования. — 2007. — №2. Коржубаев А. Г., Эдер Л. В. Иностранные инвестиции в нефтегазовом комплексе России // Проблемы Дальнего Востока. — 2011. — №2. — С. 48-56.

направляла недостаточно усилий и в страны с существенной частью русскоязычного населения. Практически сведены на нет поставки литературы, учебников, научных изданий и т. п. Сегодня это легко компенсировать открытием доступа к электронным библиотечным ресурсам, различным базам данных и их продвижением вовне.

Ставка на продвижение русского языка могла бы стать значимым инструментом регионализации внешней политики России для формирования культурно и политически дружественного суперрегиона. Это важно и в свете стремительного развития технологий перевода с использованием искусственного интеллекта, которые постепенно делают относительной функцию языка как средства передачи информации, но усиливают значение его историко-культурологической и эмоциональной составляющих. Язык по-прежнему имеет уникальное значение как способ творческого самовыражения, самосовершенствования и духовного развития нации. В среднесрочной перспективе обретение системами ИИ собственного языка, к чему есть все технологические предпосылки, ставит их на одну ступень с человеком по этому важнейшему критерию и задаёт дополнительные параметры нормативной и этической дискуссии.

Для России как многонациональной страны с исторической интегрированностью в мировую (как западную, так и частично восточную) культуру, движение в сторону «корневой» составляющей языка открывает новые возможности, при этом появляются и новые вызовы. Например, подобная релятивизация ставит под вопрос будущее языков малых наций. В связи с этим Москва могла бы выступить в качестве флага не столько защиты, сколько продвижения национальных культур.

Вместе с тем русский язык в большей степени формально остаётся глобальным языком, сохраняя своё историческое влияние, — это один из пяти языков ООН. В свете современных тенденций из формально-глобального у России есть потенциал превратить его в один из ведущих языков культурного и политического значения. Для этого акцент должен быть смещён на создание и продвижение систем высшего и дополнительного образования в дружественных странах с соответствующим кадровым и финансовым наполнением. Эта задача носит не только культурно-политический, но и чисто рыночный характер.

В то же время для такой страны, как Российская Федерация, эффективная регионализация невозможна без активного участия в делах других регионов и решения глобальных проблем. Россия граничит с США, Восточной и Юго-Восточной Азией, Ближним Востоком, а через Чёрное море является и средиземноморской державой, поэтому политически Москва должна присутствовать повсюду как напрямую, так и посредством взаимодействия с ведущими региональными державами, образцом чего может служить концепция регионализации БРИКС.

В соответствии с парадигмой необходимости глобального присутствия при объективной недостаточности ресурсов можно выделить страновые

приоритеты российской внешней политики. Работа по этим направлениям позволит влиять и на мировые процессы в целом.

Технологически прорывные страны (Южная Корея, Индия, Вьетнам, который только начал проявлять себя в этом качестве, Сингапур, Малайзия, Индонезия). Влияние этих стран на мировую повестку, мировую политику и экономику недооценено. Они не являются государствами первой величины, не принуждают других к подчинению, но именно по этим странам условно «второй волны» судят об эффективности и конкурентоспособности выбранной ими политической и социально-экономической модели. Именно эти государства во многом являются «гробовщиком» либеральной идеи классического капитализма. Часть из них развивается более комплексно и динамично, чем Китай (например, Вьетнам). С одной стороны, КНР перебрасывает туда производства с низкой добавленной стоимостью, с другой — они без промежуточных этапов сразу переходят на новую технологическую платформу, поскольку в новых условиях именно они, в силу разных причин, оказались наиболее привлекательными для США, ЕС и Японии рынками не только сбыта, но и производства. Знаковым событием в этом отношении стала договорённость между Индией, Японией и Австралией о совместном создании high-tech цепочек добавленной стоимости, конкурирующих с китайскими.

Державы, имеющие критическое влияние на политические элиты других государств (Великобритания, Германия, отчасти Франция, Испания, а также Египет, Саудовская Аравия, Иран и Турция). Державы первой величины пытаются оказывать воздействие на все регионы и по всем вопросам мировой повестки, в результате они «размазывают» свою силу и влияние. Страны, которые считаются региональными игроками, на этом фоне сильно выигрывают: они имеют точечную повестку, но концентрируют на ней колоссальные ресурсы всего региона, в котором они главенствуют. Поэтому зачастую именно на них, а не на номинально главных игроков, ориентируются субрегиональные и местные элиты. Кроме того, они заставляют главных игроков, включая США и ЕС, корректировать свою политику в отношении того или иного региона или субрегиона, национальных, религиозных и других общностей.

Именно ближневосточная четвёрка уже на протяжении десятилетий ведёт борьбу за влияние в том религиозном мире, который больше всего страшит всех без исключения мировых игроков. Иран главенствует в шиитском мире, Саудовская Аравия, Египет и Турция — ориентир для сотен миллионов людей в Большой Евразии, включая Юго-Восточную Азию, Ближний Восток, Северную Африку, а по некоторым параметрам и Африку в целом.

После глобального финансово-экономического кризиса 2008–2011 гг. Германия стала главенствующей силой на континенте: её позиции и зависимость других от Берлина быликратно усилены, тогда как все остальные страны оказались ослабленными. Члены ЕС и европейские страны Восточного соседства в своей политике реализуют запрос, который им в том или

ином виде «спускает» ФРГ. Берлину нет необходимости открыто выходить на передний план, за него очень многое делают сателлиты Германии и зависимые от неё страны — в этом основная интрига внешней политики Берлина.

Франция за 2010-е годы сильно просела в экономическом отношении. Свою экономическую слабость Париж пытается компенсировать повышенной активностью на международной арене. Значение Испании кратно усиливает связка с Латинской Америкой. Италия сможет играть более весомую роль в ЕС и по его границам и, возможно, сформирует вместе с Австрией, Венгрией и Словенией «пояс» более спокойно настроенных к Москве стран. Однако для этого ей необходимо преодолеть перманентно обостряющуюся нестабильность и провести успешные структурные реформы, в том числе с использованием денег плана «ЕС следующего поколения».

Страны, являющиеся для России покупателями товаров, продовольствия, энергоресурсов, вооружений, безопасности и стабильности (ЕАЭС, ОДКБ, СНГ, Алжир, Египет, Куба, отдельные страны Европы, Азии, Африки и Латинской Америки). Позиционирование России в мире определяется не только её собственным потенциалом, но и наличием у неё союзнических отношений и качеством её присутствия в отдельных странах и регионах. Чем шире круг государств, с которыми Москва устанавливает комплексные отношения в области экономики, безопасности и совместного развития, тем больше её влияние, прочнее двусторонние связи, лучше перспективы для российского бизнеса. Для этого, с одной стороны, необходимы хорошо отлаженный обмен информацией и координация усилий между госструктурами, бизнесом и российскими загранучреждениями. С другой стороны, важно поддерживать и развивать близкие отношения не только с руководством государств и правящих партий, но и со многими яркими представителями всех политических элит и бизнес-сообщества и созданными ими общегосударственными, отраслевыми и специализированными организациями.

Государства и группы государств, с которыми Россия может создавать новую повестку (ЕАЭС, ШОС, БРИКС). Оптимальную площадку для формирования новой международной повестки предоставляет группа новых международных (межконтинентальных) организаций, созданных Россией или при её участии. Они уже стали важным фактором мировой политики и экономики, однако их потенциал мог бы использоваться лучше. За последнее время было выдвинуто много перспективных идей, направленных на повышение отдачи от этих организаций. Предложения касаются как институционализации и придания большего динамизма и конкретики их деятельности, так и подключения к работе остальных стран тех регионов, ведущие представители которых в этих международных (межконтинентальных) организациях уже участвуют. Несомненную пользу принесло бы также учреждение аффилированных с ними рейтинговых агентств, создание собственных информационных служб, СМИ и социальных сетей, поощрение формирования разнообразных международных неправительственных организаций,

международных организаций гражданского общества, смешанных экспертных коллективов и образовательных конгломератов. Они смогли бы оказывать кумулятивное влияние на мировое общественное мнение и формирование современной, отвечающей российским интересам международной повестки.

Государства, которые влияют на контролирующие политические процессы разного уровня страны и политические силы (Израиль, Великобритания, Бенилюкс, Финляндия, Польша, Турция, Иран, Саудовская Аравия, Катар, Ирак, Сирия, Пакистан, Мексика, Чили, Нигерия). Одни страны этой группы реализуют своё влияние напрямую, другие — как проводники политики мировых игроков, третьи — в качестве умелых и эффективных посредников. Так, микроскопический Люксембург обеспечивает неформальное согласование интересов внутри франко-германского тандема и выступает представителем интересов Китая, Ирана, Турции и ряда других государств в ЕС. Финляндия одновременно служит проводником политики скандинавских стран в ЕС и последовательнее, чем многие другие страны, отстаивает позицию «ядра» интеграционного объединения. Мексика — политическая, экономическая и миграционная связка между Северной и Южной Америкой. Чили через МЕРКОСУР не только влияет на гигантов Латинской Америки, но и задаёт как тренды, так и контртренды политического и социально-экономического развития для всего континента (как успех правления Пиночета, так и устранение легитимности его модели в последнее время и полная переориентация социально-экономического и политического развития).

На упрёк в том, что у России недостаточно сил и средств на то, чтобы присутствовать повсюду, и что во главу угла внешней политики и экономического взаимодействия следует поставить селективность, можно ответить, что предложенное выше видение регионализации и трансрегионализации серьёзно расширит возможности политических, военных и бизнес-элит страны. Так, по состоянию на сегодня Россия лишь на словах осуществляет синергию своей международной деятельности в регионе с КНР. Объединение политических и военно-стратегических возможностей России с финансовыми и экономическими мускулами Китая позволили бы получить гораздо большую отдачу от продвижения совместных интересов. Этот ресурс откровенно недооценивается Москвой. Балканы и Африка — это два региона с разной традицией присутствия России, при этом ни в том, ни в другом случае Москва не использует объективные возможности синергии с КНР (в первую очередь, в политической сфере), поддерживая проигрышную логику параллельной реализации экономических и инфраструктурных проектов.

Россия в новой технологической реальности

Успех разработки «Спутника V» и других вакцин, созданных российскими разработчиками, сломал глубоко укоренившееся представление о том, что Россия радикально отстаёт от ведущих мировых держав в технологическом развитии и обречена исключительно на заимствование иностранных техно-

логий. С точки зрения перспектив экономического развития и налаживания международного сотрудничества в своей сфере это частное достижение не менее важно, чем военные победы российских ВС над Исламским государством и вооружённой оппозицией правящему режиму в Сирии с точки зрения военно-стратегического позиционирования страны. Успех разработки вакцин существенно корректирует представления о технологическом и научном потенциале России и его востребованности. Вместе с тем для его развития и конвертации в системное продвижение требуется коренная перестройка или переналадка того, как работает научно-исследовательский комплекс страны, каким образом внедряются, тиражируются и мультиплицируются отечественной экономикой коммерческие результаты деятельности прикладной науки.

Научно-технический потенциал

При анализе научно-технического потенциала России получается принципиально разная картина, если оцениваются только те центры, которые продолжают работать на территории страны, и если учитывается то, что российские специалисты, переехавшие на работу в другие страны, вносят колоссальный, порой бесценный вклад в развитие экономики США, Китая, Индии, Южной Кореи, стран Европейского союза. При непосредственном участии граждан России развиваются аэрокосмическая промышленность, информационно-коммуникационная сфера, автомобилестроение. Достаточно упомянуть, что ежегодно на работу в ФРГ переезжает несколько тысяч ведущих российских специалистов, получающих «голубые карты» ЕС²⁵. Но и те центры, которые России удалось сохранить и модернизировать, имеют в своих рядах уникальных, талантливых, одержимых наукой учёных, чей потенциал огромен.

Чтобы максимизировать отдачу от отечественной фундаментальной и прикладной науки, необходимо на порядок увеличить её финансирование, определить важнейшие направления прорыва (искусственный интеллект, суперкомпьютеры на новоэлементной основе, обработка больших массивов данных, биотехнологии, космические разработки), диверсифицировать и укрепить бюджетные и частные фонды инвестиций в исследования по модели стартапов, расширить число национальных программ в области науки и техники, обеспечить эффективное проектное управление, создать условия и стимулы для привлечения в науку талантливой молодёжи и более эффективного участия учёных диаспоры и иностранных специалистов в проектах, ориентированных на получение конкретного коммерческого результата²⁶. Таким образом, основная задача — вернуть науке элитное положение в обществе.

Основные направления «прорыва» хорошо известны. Под них приняты и осуществляются масштабные государственные программы выхода на

²⁵ Население и занятость (на нем. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit) // Statistisches Bundesamt (Destatis). URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Wanderungen/Publikationen/Downloads-Wanderungen/wanderungen-2010120187004.pdf?__blob=publicationFile

²⁶ Национальные проекты России. URL: <https://национальныепроекты.рф/>

новый технологический уровень экономики в Китае и других странах. Приоритетное финансирование таких программ заложено в директивных документах ЕС. Придя к власти, администрация Дж. Байдена в первую очередь занялась их формулированием и проведением через Конгресс триллионных долларовых пакетов из финансирования. Такие же программы с такими же стимулами и не меньшим вниманием со стороны власти и бизнеса должны быть в Российской Федерации.

Как и во времена СССР, главная проблема, которую нужно решить для эффективного использования отечественной фундаментальной и прикладной науки, — переориентация бизнеса на поощрение разработки востребованных бизнесом отечественных технологий и создание безупречно работающих механизмов внедрения и тиражирования НИОКР. Для этого может быть использован инструментарий льготного налогообложения и субсидирования, сходный с применёнными США и ЕС для достижения энергетической независимости. Особняком стоящая проблема — слом возникшей системы использования технологий: из-за контрактов с иностранными компаниями отечественные производители практически не могут прорваться на рынок.

Наконец, внешнее измерение развития и обеспечения российской технологической составляющей — приоритетное обеспечение устойчивости в случае применения внешних санкций. Решение этих основных проблем и угроз должно быть возведено в ранг задачи по обеспечению национальной безопасности.

Образование

Другое направление повышения мировой конкурентоспособности России в новой технологической реальности — это ставка на высшее образование и обучение на протяжении всей жизни. Государству необходимо обеспечить преобразование своих университетов в большие платформы эксклюзивных образовательных сервисов, сохранив и трансформировав при этом функцию социального общения, гражданского становления, а главное — доверия к такого типа отложенным во времени и «долгим» инвестициям.

По параметрам встроенности в глобальный тренд цифровизации в образовании Россия входит в число мировых лидеров. Речь идёт не только об университетской среде, но также и о микропрограммах в различных профессиональных областях, предоставляемых корпоративным бизнесом. Развитие дистанционных технологий даёт возможность университетам предоставлять как классические образовательные услуги, так и множество продуктов на удалённых платформах разного объёма, длительности, уровня сложности. Количество микропрограмм, в том числе бесплатных или условно платных, в мире также будет расти в геометрической прогрессии. При этом значимым фактором является то, что Россия, в отличие от абсолютного большинства других лидеров мирового образования (США, Великобритания, Франция, Южная Корея), пошла по пути встраивания отечественных цифровых платформ — в первую очередь, Яндекса — в систему как высшего, так и школь-

ного образования. Для Москвы сейчас чрезвычайно важно использовать своё сложившееся конкурентное преимущество.

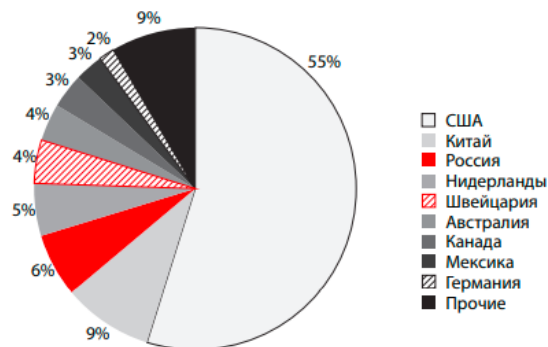

Рисунок 5 — Страновая структура университетов по количеству онлайн-курсов, размещённых на крупнейших глобальных онлайн-платформах.
Источник: Московский международный рейтинг вузов «Три миссии университета»

Другой особенностью, сравнимой со спецификой образования в Юго-Восточной Азии, становится привязка вновь создаваемых или радикально трансформируемых российских университетов (в первую очередь, Сколтеха, Иннополиса, Дальневосточного федерального) к особым экономическим зонам/ТОРАм. Такой режим даёт возможность напрямую связать бизнес и образование и превратить университеты в платформы, обеспечивающие быстрый рост отдельных секторов экономики. Это особенно важно для решения задач национального социально-экономического развития и может стать его серьёзным фактором, но только при условии перехода от отдельных «точек роста» к общей экосистеме в пространстве всей страны.

Вместе с тем данный национальный тренд мало учитывает то, как в мировом разрезе новая технологическая реальность повлияет на форматы существования университетов и подходы к образованию. Уже сейчас она требует отхода от восприятия университетов и высшего образования как преимущественно «обслуживающих» текущие интересы бизнеса и рынка в сторону их понимания как пространства, задающего основные параметры персонального развития и социализации для будущей высоко адаптивной и быстро меняющейся экономики. В силу специфики регуляторной системы в образовании даже ведущие российские университеты к решению этой задачи практически не готовы. Для этого необходимо преодолеть стереотипы наполнения содержанием, сроков обучения, его форматов и позиционировать университеты как среду эксклюзивных возможностей, академического выбора и общения.

Университеты в национальном разрезе должны превратиться в пространство доверия, во сути венчурного взаимодействия и государством, и бизнесом. В таком случае они смогут осуществлять инвестиции в таланты и

стать уникальным информационным ресурсом, имеющим собственную экономическую ценность. Сегодня таким ресурсом обладают лишь несколько университетов в стране. За счёт технологического развития, цифровизации, создания единого образовательного пространства, основанного на синергии, а не насаждении или поглощении, можно распространить этот статус на большинство крупных российских университетов.

Это позволит не только поднять качество образования, но и капитализировать сами университеты: ценность академического сообщества, получаемых связей и информации в новой технологической среде уже стали критическим финансово-экономическим ресурсом университетов во всём мире. Имеющиеся сегодня ресурсы ряда российских вузов, ускорившееся в результате пандемии сопряжение с цифровыми платформами, осознание активной частью населения ценности персональной капитализации как непреложного фактора самореализации, успехи последних двух десятилетий по встраиванию России в международное образовательное пространство, — основной инструмент конкурентоспособности России в новой технологической реальности.

Более локальный, но тем не менее существенный для наращивания «мягкой» силы России тренд — развитие технологий перевода с использованием искусственного интеллекта, которое постепенно нейтрализует значимость категории «язык мирового общения» в предоставлении образовательных услуг. Новые технологии открывают возможность для интенсивного создания и накопления онлайн-курсов и программ на русском языке, которые могут быть доступны за счёт новых технологий перевода даже не владеющим русским языком людям. Это, как было показано выше, позитивно скажется на наращивании политического влияния «русского мира».

Для реализации задач в области науки и образования нельзя обойтись лишь изменениями в их финансировании и управлении, необходимо поменять информационную среду, в которой существует российское общество. Ведущее место в ней вместо новостных и развлекательных сюжетов должна занять индустрия знаний. В этом отношении очень интересен опыт Южной Кореи, где была осуществлена такая трансформация информационной среды (рисунок 6).

Столь же большие перспективы открывает увлечение всеми поколениями планеты сетевыми играми. Заказ на игровое вовлечение людей в мир знаний в перспективе может изменить и образ жизни человека, и качественные параметры общества.

Важным достижением России в обеспечении встраивания страны в новую технологическую реальность стало создание техноградов. Такое решение очень перспективно, однако оно имеет точечный характер. Индия превратилась в ведущую технологическую платформу информационно-коммуникационного аутсорсинга за счёт экспансии точек роста и их объединения в подобие системы. Такая же стратегия эволюции редких научных анклавов в единый научно-технический и технологический комплекс нужна и Москве.

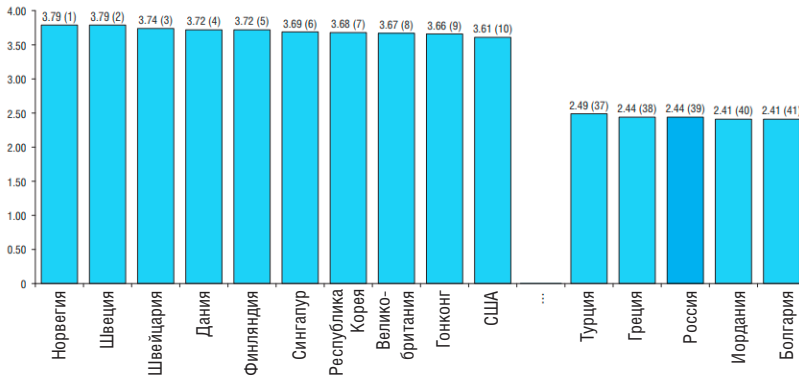

Рисунок 6 — Индекс цифрового развития по странам, 2017 г.

Источник: статистический сборник «Индикаторы цифровой экономики-2020»

Государственная политика технологического перевооружения страны может состоять из двух неразрывно связанных компонентов: не только всемерного поощрения разработки и внедрения новых отечественных и мировых технологий, но и параллельно идущей тотальной инвентаризации существующих производств на предмет их технологической оснащённости и потребности в технологическом перевооружении. Такая политика по-своему очень похожа на климатическую повестку, которая предусматривает соответствие устанавливаемым критериям не только всех будущих производств, транспорта и зданий, но и уже используемых объектов, которые под угрозой колоссальных штрафов и отказа в дальнейшей финансовой поддержке со стороны государства будут трансформироваться в соответствии с новыми требованиями.

Одним из важнейших элементов такой политики должно быть постоянное обновление технических стандартов и создание такой системы, при которой бизнес на десятилетие вперёд знает, каким новым требованиям эти стандарты будут соответствовать. К решению этих задач чрезвычайно важно подключить общество и существующие отечественные НКО, чтобы они столь же жёстко, а иногда бескомпромиссно следили за прогрессом реализации позитивной программы развития страны.

Россия в глобальной повестке борьбы с неравенством

С учётом того, в каких условиях был осуществлён переход от плановой экономики и однопартийной системы к рыночным отношениям и политической системе иного типа, вполне естественно, что в России было построено разбалансированное общество. Его отличительные черты — пренебрежение личностью, безответственность, крайние формы неравноправия. Наиболее грубой формой неравенства на протяжении веков — и это прекрасно описывает классическая русская литература XIX в., актуальная и сегодня, — оказывается даже не глубочайшая пропасть между имущей и неимущей частями общества и нерешённость задач формирования среднего класса, а

психологическая установка, по которой самореализация начальственности происходит путём подавления тех, кто находится ниже на социальной или государственной лестнице (рисунок 7).

Рисунок 7 — Социально-экономическая ситуация в России с точки зрения справедливости. Источник: Дирекция по экспертно-аналитической работе

Другие формы неравенства — это различия в статусе личности, доступе к благам, защищённости. Более того, практически не работают социальные лифты. В этих условиях заявления о том, что Россия может выступать в качестве лидера движения за преобразование общества, равенство и справедливость, могут показаться демагогией.

Но это не так. Российская история, культура, литература пронизаны темами поиска справедливости, равенства и гуманизма, дискуссией о предназначении и высшей ценности человеческой жизни. Ради идеалов равенства и справедливости в России совершались революции, люди жертвовали жизнью. Чувство справедливости — своего рода генетический код, присущий российскому обществу. Для аристократии и офицерства России честь и служение обществу и Отечеству были самыми важными ценностями.

Несколько последних десятилетий забвения патриотизма можно и нужно развернуть обратно. И это также может стать частью национальной идеи, нового мессианства внутри страны и её более широкого цивилизационного призвания. Но для этого важно, чтобы наиболее организованная и влиятельная часть российского общества, государственный аппарат, был перестроен таким образом, чтобы условиями карьерного роста и оценкой эффективности деятельности вновь стало служение обществу. Тогда участие страны в глобальной борьбе с неравенством будет лежать не только в

плоскости отстаивания государственного суверенитета, но приобретёт объёмный характер.

Россия могла бы выступить с конкретной стратегией коренной реформы неэффективной системы международного содействия развитию. В современном виде она не даёт возможности преодолеть отсталость и бедность, не формирует эндогенные драйверы развития, зачастую служит лишь ширмой для проникновения и господства тех, кто эту помощь предоставляет. Реформа необходима для того, чтобы средства международной помощи развитию уходили не на утверждение ценностей и формирование отраслей, направленных на поддержку развитого мира, а на поощрение сетевого объединения местных производителей, укрепление потенциала страны, её реальной конкурентоспособности на мировых рынках, создание точек роста и собственных мощностей для развития инфраструктуры, производства, образования и их кадрового обеспечения.

Ещё одно важное направление для утверждения равноправия на международном уровне — это усилия по преобразованию мировой финансовой системы, основанной на одной национальной валюте, в более гибкую, равноправную и транспарентную глобальную валютно-финансовую систему. «Дедолларизация» торгово-экономических связей стала одним из приоритетов внешнеторговой политики России в последние годы — этому в небольшой степени способствовал рост политических рисков, связанных с санкционной политикой США. Злоупотребление Вашингтоном де-факто монопольного положения доллара как инструмента международных расчётов создало благоприятный климат для продвижения как двусторонних соглашений (например, в 2018 г. о постепенном переходе на расчёты в национальных валютах договорились Россия и Китай), так и планов освобождения национальных экономик из-под диктата доллара в многосторонних форматах. В частности, реформа мировой валютно-финансовой системы — один из ключевых элементов повестки БРИКС. В случае поддержки большинством развивающихся стран она получит более чёткие очертания.

Другим ключевым направлением утверждения равноправия должно стать решение задач доступности современных технологий. Маяком в этом отношении могли бы послужить представления об общем достоянии человечества. В коренном пересмотре нуждаются все созданные полтора века назад правовые механизмы обеспечения монополии на пользование знаниями и технологиями. Очевидно, что в условиях пандемии, как и в других чрезвычайных ситуациях, человечество обязано было бы отказаться от исключительно шкурного подхода к знаниям и технологиям, сделать всё, чтобы с их использованием эпидемиологические проблемы, сложности современного здравоохранения и лечения наиболее тяжёлых болезней были решены сообща. Такие предложения в рамках ВТО (бразильская и южноафриканская инициатива) встретили со стороны западного блока жесточайшее сопротивление. Но в большинстве стран мира национальное законодательство такую возможность предусматривает. Россия вполне могла бы войти в

группу лидеров, настаивающих на пересмотре основ защиты и регулирования интеллектуальной собственности, авторского права, распространения знаний через Интернет и социальные сети.

Москва также может поставить вопрос о концептуальном пересмотре подходов к социально-экономическому развитию. Недопустимо, когда совершенно непохожим странам с разными потребностями и уровнем развития предъявляются одни и те же требования экономического, энергетического, климатического перехода. Только дифференцированный подход, учитывающий многоэтапность развития, может считаться эффективным. В прошлом политика переброски трудоёмких производств в Китай и некоторые другие страны позволила не только извлечь прибыль, но и передать производственные компетенции, навыки управления, накопить первоначальный капитал. Подобные практики с таким целеполаганием должны продолжаться. Многим государствам, в том числе на Балканах, в Центральной Азии и Африке, нужна такая сфера производства товаров и услуг, которая бы сформировала широкие слои экономически активного населения и позволила уйти от патриархальности, обеспечить занятость населения, приостановить эмиграционные потоки и восполнить отсутствие замещающей иммиграции. В случае таких стран открытие роботизированных производств не решает социальные проблемы и не даёт ответы на вызовы развития. К ним не применимы существующие правила конкуренции, которые ведут к разорению слабых и концентрации ресурсов в руках ограниченного количества компаний. Наоборот, нужны программы, которые бы сохраняли многоукладность и через неё прокладывали путь в современную экономику.

Наконец, Россия могла бы выдвинуть требование к бывшим метрополиям, США и создавшим систему опеки в рамках ООН странам о выплате бывшим колониальным народам компенсации за годы эксплуатации, подчинённого положения и неокOLONиализма. Эти средства, восстанавливающие историческую справедливость, стали бы весомым вкладом в процесс выравнивания уровней развития государств.

Не менее важным в современных условиях беспрецедентного и откровенного давления на Москву со стороны США и ЕС могло бы стать требование о возвращении в Россию триллионных средств, которые были вывезены из страны с использованием разнообразных схем²⁷. С точки зрения современного правового регулирования они являются не только предвзятными, нарушающими базовые правила комплаенса, но и противоправными. Для начала можно предоставить российским судам соответствующие полномочия по вынесению прецедентных решений. Параллельно следует продумать создание или модернизацию аппарата их принудительного исполнения.

²⁷ Указание №442/35 «О мерах по организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по возвращению активов из-за рубежа» // Генеральная прокуратура Российской Федерации.
URL: <https://genproc.gov.ru/about/counteraction/legislation/1888592/>

Россия как поставщик глобальной и региональной безопасности

У российских вооружённых сил и военно-промышленного комплекса сложная судьба. Совсем недавно они пережили, пожалуй, самый тяжелый период своей недолгой истории, который берёт отсчёт с вывода войск из Германии. То, как он был произведён, предопределило сценарий дальнейшего развития событий и способствовало потере ВС и ВПК своего статуса. Похожий эффект имели и более ранние события, связанные с выводом войск из Афганистана.

Однако, пусть и с большими потерями, но ВС и ВПК удалось сохранить значительную часть прежнего потенциала, традиций, высочайшего качества вооружений, перспективных разработок. После 2008 г. они вновь оказались востребованы. Тогда, после пятидневной войны в Закавказье пришло отрезвление. Стало ясно, что угрозы безопасности страны никуда не делись и что даже в «просвещённой» Европе войны возможны и ожидаемы. Жёсткая сила вновь стала аргументом номер один в решении международных и межрегиональных конфликтов.

Успешно проведённая военная реформа по профессионализации вооружённых сил, перевооружению и переоснащению вернула им прежний престиж и высокий статус в обществе. Ставка на опережающее развитие ВПК, разработку и внедрение новейших систем вооружений, в том числе не имеющих аналогов в мире, снова вывела Россию в разряд наиболее сильных глобальных игроков планеты и превратила в державу, обладающую сопоставимым военным потенциалом с США. Это подтверждается как успешными военными и гражданско-военными операциями в Крыму, Сирии, Нагорном Карабахе, так и высокой конкурентоспособностью российских вооружений. При этом, в отличие от советской военной машины, нынешние вооружённые силы России остаются сравнительно компактными и недорогими. Во многих сферах при сопоставимых военных возможностях Россия тратит на оборону в 10 раз меньше, чем США: в 2019 г. российский военный бюджет составил 65 млрд долл. против 732 млрд долл. американского бюджета. В 2020–2021 гг. разрыв продолжил увеличиваться.

Эффективность, продемонстрированная ВКС России в ходе сирийской военной операции, бескровное воссоединение Крыма, провал попыток 40-тысячной вооружённой группировки Киева вернуть Юго-Восток Украины военным путём, миротворческая операция в Нагорном Карабахе в безусловной форме закрепили за Россией указанный статус. Кроме того, новому видению России очень помогла беспардонная антироссийская кампания, развёрнутая США, странами НАТО и ЕС, отдельными политическими силами и НКО, которые на них ориентируются. Запугивая не только себя, своё население и соседей, но и всех потенциальных конкурентов России, они принялись убеждать мировую общественность в огромном, порой сказочном могуществе России, указывая на её способность вмешиваться в выборы, осуществлять кибератаки, вести гибридные войны практически по всему

миру. С трибуны всех международных площадок они уверяли, что Москва теперь настолько сильна, что представляет непосредственную угрозу Североатлантическому альянсу, имеющему на вооружении на порядок больше боевых систем и тратящему на военные цели в несколько раз больше средств. Более того, говорилось, что Россия в состоянии захватить страны Балтии и Польшу в считанные дни. В Стратегии национальной безопасности США 2017 г. и документах, которые поспешила предать гласности администрация Дж. Байдена, Россия наряду с Китаем официально обозначена как главный геополитический противник²⁸.

Подобная реклама вызвала взрывной спрос в мире на вооружения российского образца. В результате Россия уверенно удерживает второе место в мире по экспорту вооружений. Назойливый пиар со стороны НАТО удачно подтверждает отличные боевые характеристики, демонстрируемые российскими системами вооружений и в боевых условиях, и на тренировочных полигонах. Не менее востребованными в мире стали и услуги по обеспечению безопасности, за которыми к Москве поспешили обратиться страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Таким образом, в настоящее время ВС и ВПК России способны успешно решать пять групп задач:

- а) обеспечивать жёсткую и мягкую безопасность страны, её стрессоустойчивость к любому внешнему давлению;
- б) содействовать самому выгодному позиционированию страны в силовых координатах современных международных отношений, в мировой политике и экономике, а также умножению её политического влияния, экономической и мягкой силы;
- в) сдерживать авантюризм дальних и ближних соседей, вынуждать их проводить более осторожный и взвешенный военно-политический курс, убедительно доказывать, что враждебные действия не останутся без адекватного ответа;
- г) проецировать безопасность вовне, помогать с обеспечением безопасности третьим странам и регионам, создавать предпосылки для формирования систем коллективной безопасности с участием России или под её патронажем;
- д) способствовать поступательному экономическому развитию страны и в качестве самостоятельного драйвера модернизации, и инкубатора технологических решений, которые могут быть использованы для переоснащения гражданских производств и перехода страны на новую технологическую платформу.

Это отличный результат для страны с ограниченными людскими, материальными и финансовыми ресурсами, вынужденной преодолевать один кри-

²⁸ National Security Strategy of the United States of America // The White House.
URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

зис за другим. Вместе с тем необходимо также решить ещё несколько задач принципиального характера, среди которых важнейшими можно назвать следующие:

- а) обеспечение гораздо большей коммерческой отдачи от любых практических шагов в военной области, особенно связанных с поставками вооружений, совместной их разработкой и производством, передачей военных технологий и предоставлением услуг безопасности;
- б) постоянная конвертация успехов в военной области в укрепление международного сотрудничества в других областях и придание ему устойчивого характера, создание таких временных межгосударственных союзов, которые бы в дальнейшем перерастали в постоянные и выгодные России форматы взаимозависимости;
- в) обеспечение готовности механизмов выгодного для Москвы прекращения участия в вооружённых конфликтах и выхода из стран и регионов, которые утрачивают для неё былое значение.

Новая внешняя политика для нового мира

Формирование экосистемы внешнеполитического ведомства России

Два последних десятилетия считаются весьма удачными для внешней политики и дипломатии России: её институты продемонстрировали высокий уровень эффективности, реагируя на многие традиционные и нетрадиционные вызовы безопасности и развития гораздо более своевременно и точно, чем многие внешнеполитические ведомства других ведущих западных и незападных стран. Россия по ключевым параметрам частично восстановила свои международные позиции, утраченные после распада Советского Союза, и обеспечила высокий уровень безопасности от традиционных и нетрадиционных угроз. Несмотря на усиливающееся противодействие со стороны членов НАТО и ЕС, удалось выстроить конструктивные отношения с рядом мировых и региональных акторов. Это огромное достижение для страны, не имеющей ни собственной стратегии продвижения национальных интересов на международной арене, ни чётко сформулированной их иерархии.

В отличие от многих других государственных институтов, внешнеполитический блок подвергся наименьшим изменениям в процессе постсоветского транзита государственной системы управления, сохранив кадровое ядро, прежние практики подготовки, согласования и осуществления решений, идейные установки. «Консервативная» система внешней политики, сформировавшаяся в экстремальных условиях холодной войны, оказалась оптимальной для ответа на вызовы мировой политики постсоветского периода. Но довольно быстро краткий миг «конца истории» остался в прошлом, и мир оказался перед ещё более многочисленными, а порой и более опасными вызовами, чем в ходе советско-американской конфронтации.

Качественно новый транзитный характер международной системы, которая переходит от распада несостоявшегося миропорядка к формированию нового, требует и новых подходов к выработке и реализации внешней политики и дипломатии. Как и все мировые процессы, они должны приобрести гибридный характер: необходимо радикально повысить экономическую отдачу от внешнеполитической деятельности, уделить приоритетное внимание поддержке и расширению технологического сотрудничества, превратить цифровизацию и обработку больших массивов данных в один из обязательных методов деятельности. Также следует придать системность работе с диаспорой и обеспечить эффективную координацию и единство управления внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности государства, бизнеса и общества.

Модернизация российской внешнеполитической системы могла бы осуществляться в двух измерениях: институциональном (преобразование российской внешней политики как совокупности институтов и практик, их

адаптация к структурно новой среде) и функциональном (частичное расширение и качественно иное наполнение деятельности МИД и других органов внешней политики в соответствии с внешнеполитическими потребностями России).

Такие изменения необходимы также для преодоления ограничителей российской внешней политики, к которым можно отнести фактическое воспроизведение повестки холодной войны и противостояния Западу, концентрацию усилий на решении политических вопросов и вопросов безопасности в ущерб проблематике экономического сотрудничества и взаимодействия, недооценку сопротивления, которое вызывает у партнёров зачастую высокомерное отношение к средним и малым странам, непубличный характер выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений, ограниченное подключение внешней экспертизы, общественных и политических организаций, практически полное исключение парламентских институтов из реального внешнеполитического процесса. Отдельным ограничителем эффективной внешнеполитической деятельности Москвы видится консервативный подход к кадровому воспроизводству: российская система обеспечения внешней политики в малой степени пополняется специалистами в других областях, таких как сферы экономического и цифрового сотрудничества, развития информационных технологий, бизнес-связей и привлечения инвестиций.

С целью институционального и функционального обновления МИД могут быть применены следующие меры:

а) создание эффективной экосистемы общественной и профессиональной экспертизы сопровождения внешней политики, включая диалоговые площадки с крупным и средним бизнесом, иностранными инвесторами, представителями НПО и НКО, политическими партиями взамен или в дополнение к сложившейся, но неэффективной;

б) обеспечение более плотной институциональной связки между МИД и российским внешнеэкономическим блоком «в центре», между торговыми представительствами, представительствами РЭЦ и посольствами «на земле» или превращение торгпредств в экономический блок посольств;

в) переоценка приоритетов и повестки МИД, предполагающая включение в них вопросов привлечения инвестиций, развития экономических связей, сопровождения внешнеэкономической деятельности российского бизнеса с соответствующей институционализацией этих направлений в концепции внешней политики;

г) повышение институциональной открытости внешнеполитической деятельности, в том числе на уровне посольств и дипломатических представительств;

д) расширение номенклатуры сотрудников, отбираемых для МИД и других внешнеполитических органов, в том числе за счёт расширения пула и профиля образовательных организаций, поставляющих таких специалистов;

е) повышение клиентоориентированности МИД как в работе с российскими юридическими лицами, связанными с предоставлением услуг по сопровождению внешнеэкономической деятельности внутри страны, так и при взаимодействии с российскими гражданами и организациями за рубежом, интеграция МИД и его структур в экосистему цифрового правительства, создание системы клиентоориентированных цифровых сервисов;

ж) расширение функционала Россотрудничества как органа по разработке и реализации гуманитарной политики с опорой на сеть зарубежных представительств и системная модернизация деятельности последних, переосмысление роли и возможностей НКО и фондов, призванных поддерживать внешнеполитическую деятельность страны и продвигать её интересы за рубежом.

В обновлённом виде институциональная экосистема внешней политики России в той её части, которая будет координироваться МИД, окажется лучше приспособленной для осмысления и решения нового поколения задач, встающих перед страной.

«Новое союзничество» для совместной борьбы с мегавывозами

В 1990-е гг. Россия оказалась в исключительно тяжёлом положении, когда отстаивать свои интересы на международной арене ей пришлось практически в одиночестве. Вся система союзнических отношений исчезла. СНГ помогал смягчить последствия распада СССР, но для поддержки Москвы за пределами постсоветского пространства мало что давал. В ОБСЕ раз за разом Москве приходилось блокировать консенсус по жизненно важным для неё вопросам (по ускоренному выводу воинских контингентов из стран Балтии, Молдавии, Грузии, урегулированию конфликтов по периметру своих границ, исключению Белграда из организации), не рассчитывая на поддержку ни от одного из своих бывших союзников.

Положение начало меняться с начала 2000-х гг. К ОДКБ были добавлены структуры, на основе которых в 2015 году был создан Евразийский экономический союз. Весомым игроком в Евразии становится Шанхайская организация сотрудничества, к деятельности которой подключается всё больше влиятельных государств. Идеи Е. М. Примакова о тесном сотрудничестве между Россией, Китаем и Индией воплощаются в создании качественно нового межконтинентального объединения БРИКС. Российские политические элиты не только осознают важность и необходимость усиления России за счёт многочисленных альянсов и собственных геополитических проектов, но и воплощают их в жизнь. Одновременно начинается процесс переосмысления характера и природы союзнических отношений СССР.

Серьёзным ограничителем внешнеполитических устремлений России остаётся понимание того, что Советский Союз стал жертвой своих успехов и чрезмерных амбиций. Он сумел создать уникальную систему жёстких военно-политических и экономических союзов (Организация Варшавского договора и Совет экономической взаимопомощи) и одновременно

клиентелистских и партнёрских отношений с широким кругом государств. В основу этой системы был положен прочный фундамент общности политических устремлений и организации общества. Вместе с тем СССР поддерживал её за счёт колоссальной экономической и военной помощи. В итоге Москва истощила себя и оказалась не в состоянии экономически поддерживать созданную ею конструкцию и вследствие этого разочаровалась в ней. Однако этот негативный опыт не послужил противоядием против реализации уже в настоящее время крайне затратных внешнеполитических и внешнеэкономических проектов, которые либо дотируются Россией, либо полностью ею осуществляются.

Одновременно не до конца осознано, почему международные позиции СССР были такими прочными. Их устойчивость объяснялась тем, что международная деятельность страны не ограничивалась формальной работой Министерства иностранных дел или внешнеэкономическими проектами. Они были частью разветвлённой системы, во главе которой находились межпартийные связи. Именно межпартийные связи обеспечивали единство действий и координацию, через них достигалось самое важное — близость политических элит, не только лидеров, но и людей, образующих государственный аппарат союзных государств на всех уровнях. СССР имел широкую массовую поддержку даже в тех государствах, которые относились к противоположному лагерю и осуществляли политику его сдерживания. В ряде стран НАТО (Италия, Франция) коммунистические партии обладали ощутимой народной поддержкой и нередко возглавляли оппозицию. В распоряжении дружественных партий находились влиятельные СМИ, способные доводить до населения альтернативную точку зрения. Другой важной составляющей внешнеполитического механизма были широчайшие профсоюзные связи и разветвлённая сеть обществ дружбы. Большим подспорьем служили и полугосударственные-полуобщественные организации, помогавшие в установлении прочных связей с общественностью большинства государств мира.

С распадом СССР Россия потеряла и возможность использования такого механизма, и сам механизм. Напротив, США и страны ЕС продолжали разрабатывать аналог такого механизма на протяжении всех десятилетий. Об этом свидетельствует влияние американских, английских, немецких неправительственных организаций, а также международных неправительственных организаций, фактически контролируемых ими. В ЕС межпартийные связи стали доминантой: политику интеграционного объединения определяют не столько национальные, сколько объединяющие их европейские политические партии, от них зависит формирование и осуществление политики. 9 мая 2021 г. ЕС с большой помпой открыл новую Конференцию о будущем Европы, призванную укрепить доверие между институтами ЕС, государствами-членами и обществом. Заранее прогнозируемый результат — переход к выборам в Европарламент по единым спискам европейских, а не национальных партий²⁹.

²⁹ Conference on the Future of Europe // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/new-push-european-democracy/conference-future-europe_en#documents

В этом плане пирамида управления международной деятельностью России оказалась перевернутой с ног на голову. Основную работу ведут Администрация Президента и МИД, в то время как межпартийные, межпарламентские и связи по линии НПО и общественности носят зачастую рудиментарный характер.

Частью будущей стратегии усиления международного веса России может стать восстановление, насколько это возможно, прежнего механизма, при котором главную роль играют межпартийные и другие общественные связи, а модернизированные государственные органы являются не более чем частью системы. Подобная перестройка могла бы стать колоссальным шагом к построению союза элит и союза обществ. Они, как более устойчивые и менее подверженные флуктуациям, нужны России в большей степени, чем классические межгосударственные союзы. Такие союзы есть у США, стран ЕС и НАТО. У КНР подобных союзов нет, и это чрезвычайно серьёзная проблема, которая ограничивает возможности Пекина и его влияние. До некоторой степени она компенсируется огромной и связанной с прадиной диаспорой. У России таких инструментов нет.

Через призму установления подобного рода союзов можно получить ответ на важнейший для России вопрос: с кем и какие межгосударственные союзы устанавливать — однозначно, со всеми теми странами, с которыми Россия поддерживала, поддерживает или унаследовала со времен СССР дружеские межгосударственные отношения. Речь идёт не просто о союзах в том значении слова, в котором оно использовалось в XIX в., перед Первой или Второй мировыми войнами. С тех пор международные отношения ушли очень далеко: на смену конъюнктурным, подвижным и любым другим межгосударственным союзам пришло совершенно иное качество — интеграция. В этом была колоссальная сила СССР, утраченная Россией. России нужна не старая довоенная система союзов, а объединение обществ в рамках союзных отношений. Объединение обществ — это такое состояние отношений, когда тесные связи между политическими, военными, предпринимательскими кругами и рядовыми гражданами пронизывают все сферы деятельности и без них функционирование национального государства становится практически невозможным.

В строительстве глубоких партнёрских отношений с Китаем, странами ЕАЭС, ШОС, БРИКС мы остановились не на полпути — Москвой сделаны только первые шаги. Вызов состоит в придании связям на всех уровнях и по всем направлениям настолько плотного характера, чтобы они стали «тканью» общества и необходимым слагаемым национального государства. Тогда Россия получит настоящие союзы, в которых она так нуждается для защиты своего суверенитета, утверждения своего положения на международной арене и формирования новой повестки международных отношений.

Все другие союзы прежнего классического межгосударственного типа могли бы их дополнять. И в этом плане ведущиеся споры по поводу преимуществ постоянных, временных, целевых, конъюнктурных и прочих

союзов, по сути, беспредметны. Для укрепления международных позиций, противодействия всем тем, кто угрожает национальным интересам России, и решения проблем военно-стратегического, экономического, технологического, демографического, эпидемиологического и любого другого характера нужны все межгосударственные союзы, которые для этого пригодны. Их иерархия и соотношение будет определяться самой жизнью и динамикой международных отношений и появляющихся вызовов. Единственное обязательное требование ко всем этим союзам — чтобы они были экономически оправданными и вели к экономическому усилению Москвы, а не к её ослаблению.

Региональные приоритеты российской политики

Практика показывает, что Россия повсюду сталкивается с одним и тем же перечнем проблем. С тем чтобы добиться радикального повышения отдачи от экономического, политического и военно-стратегического сотрудничества в двусторонних, многосторонних и трансрегиональных форматах, необходимо обеспечить:

а) координацию между государственными ведомствами, включая как экономический и силовой блоки, так и самое тесное взаимодействие между ними и российским бизнесом, работающим или намеревающимся развернуть деятельность в соответствующих странах и регионах;

б) диверсификацию связей российской элиты с политическими кругами соответствующих стран таким образом, чтобы политические изменения и трансформации в них, которые порой носят трудно предсказуемый характер, плачевно не отражались на содержании и интенсивности военно-технического, экономического и иного сотрудничества; налаживание нормальных деловых отношений даже с теми политиками и общественными деятелями, которые выступают, скорее, с антироссийских позиций, но могут делать это преимущественно по конъюнктурным соображениям;

в) установление связей не только с отдельными крупными компаниями соответствующих стран, но и с ведущими ассоциациями бизнеса, чтобы сотрудничество с соответствующими странами имело максимально широкую социальную поддержку;

г) создание государственной системы поддержки выхода на рынки этих стран малого и среднего бизнеса России наряду с присутствием там крупных, самодостаточных и не нуждающихся в этом компаний;

д) максимально тесное сотрудничество с НКО, экспертным сообществом, ведущими представителями гражданского общества, вовлечение в такое сотрудничество авторитетных российских деятелей науки и образования, имеющих самостоятельные связи;

е) приоритезацию вложений в человеческий капитал в ключевых для России странах, включая малые и средние страны, находящиеся в зонах «перекрестья» интересов ведущих мировых держав.

Поворот в Азию: сохранение динамики, упрочение позиций

Динамичное и поступательное экономическое развитие большинства стран Азии — главная особенность мировой экономики и политики на современном этапе. Это развитие и связанное с ним увеличение ёмкости азиатского рынка, а также политической значимости государств Азии открывают перед Россией новые возможности как для наращивания экспорта в страны Азии, так и для развития политических связей с региональными игроками.

Пока присутствие России в Азии представляется весьма ограниченным. *В экономической области* оно остаётся ориентированным в первую очередь на экспорт узкой группы товаров низкой степени переработки (Приложение А, Б). Более того, сохранение существующей экспортной номенклатуры в торговле России со странами Азии не вносит заметного вклада в развитие российской промышленности и инфраструктуры, не отвечает наиболее быстрорастущим направлениям спроса на азиатском рынке, к которым можно отнести высокотехнологичное оборудование в сфере ИТ и медицины, спрос на транспортно-логистическую инфраструктуру, технологии и продовольствие.

При этом ниши для экспорта высокотехнологичной инновационной продукции на эти рынки были и остаются для России в значительной степени закрытыми. Они закрываются всё больше по мере опережающего технологического развития поднимающейся Азии при относительной дороговизне рабочей силы в России. Азиатские страны сами активно выходят на мировой, в том числе и российский, рынок высокотехнологичных товаров. Хотя ставка на ускоренный переход к производству высокотехнологичной продукции могла бы способствовать укреплению российских позиций на азиатских рынках и оживлению хозяйственной деятельности в регионах Сибири и Дальнего Востока.

Вместе с тем у России есть ряд конкурентных преимуществ: географическая близость, ровные политические отношения практически со всеми странами Азии, весомый технологический и производственный задел в ряде перспективных областей, сравнительно высокий уровень развития человеческого капитала, в том числе жителей Дальнего Востока. Грамотное и активное использование этих преимуществ позволит не только существенно увеличить российское присутствие на наиболее перспективных азиатских рынках, но и качественно содействовать внутреннему экономическому развитию страны в целом и подъёму прилегающих к странам Азии регионов Сибири и Дальнего Востока в особенности, а также решить важные геополитические задачи.

В области развития политических связей Москва в последние годы постепенно переходила от интеграции в региональные форматы к попытке сформулировать собственную стратегию в отношении развития регионального порядка. Флагманская инициатива в этой области — выдвинутая президентом России в 2016 г. инициатива формирования Всеобъемлющего большого евразийского партнёрства, целью которого является установление выгодных

стране трансрегиональных связей во всех областях деятельности. Такие связи обеспечат бесконфликтное сосуществование и соразвитие нескольких региональных «субпорядков» на евразийском континенте, идеальным результатом чего станет возникновение макрорегионального политического порядка вокруг нескольких центров силы: России, Китая, Индии и других держав.

Одной из важных задач является гармонизация многочисленных институциональных форматов вокруг единой повестки политического и экономического развития. Сложившаяся в Евразии институциональная архитектура, состоящая из множества часто вступающих в противоречие друг с другом инициатив, на сегодняшний день не соответствует потребностям государств региона и, прежде всего, необходимости устойчивого долгосрочного развития.

Можно выделить два основных фактора, влияющих на динамику развития интеграционных процессов в регионе: 1) экономический — регионализация торговых, инвестиционных и логистических связей вокруг новых точек роста, поощряемых интеграционными инициативами; 2) политический — усиление конкуренции между различными институциональными форматами, подстёгивающими развитие старых и появление новых проектов.

Первый фактор во многом определяющий, он заключается в росте потребительского и технологического потенциала государств Азии и в регионализации торговли, инвестиций и производственных цепочек, которые принимают в значительной степени китаецентричный характер на фоне относительного ослабления зависимости экономик региона от западных рынков, инвестиций и технологий.

В рамках этого тренда можно выделить три полюса динамично растущей экономической взаимозависимости, на базе которых развиваются наиболее перспективные интеграционные процессы и инициативы: Дальний Восток, Юго-Восточная Азия и пространство ЕАЭС, включающее инициативу сопряжения деятельности ЕАЭС и «Пояса и Пути». Китай как ключевой экономический игрок является участником всех этих процессов, но уровень его вовлечённости различен.

Дальний Восток, включающий КНР, Республику Корея, Японию, а также обладающий огромными природными ресурсами привязываемый к ним российский Дальний Восток, — наиболее динамичный с точки зрения экономического развития, но отстающий с точки зрения институциональной базы полюс. Попытки Китая, Южной Кореи и Японии в 2000-е гг. создать обособленную трёхстороннюю зону свободной торговли, которая могла стать базой для дальнейшей интеграции, потерпели неудачу как в силу политических противоречий между странами, так и ввиду наличия в регионе серьёзного вызова региональной безопасности в лице КНДР.

Сегодня институциональная основа региональной интеграции на Дальнем Востоке ограничивается рядом двусторонних соглашений, и перспектива их унификации отсутствует.

Страны региона, включая Россию, вынуждены подключаться к другим

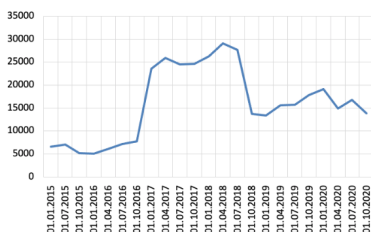
Прямые иностранные инвестиции в Россию из стран Азии и Тихоокеанского региона (ТР)*, 2015-2020

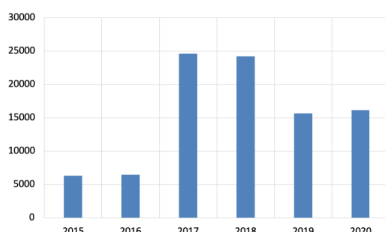
За пять лет общий объем привлеченных Россией ПИИ из ряда азиатских и тихоокеанских государств показал положительный тренд и вырос на 47,6%. Наиболее крупный среднегодовой объем всех ПИИ пришелся на 2017 г. и составил \$24633,74 млн. К 2020 г. список из десяти наиболее активных государств-партнеров изменился. Китай отдал первенство Сингапуру. Вьетнам нарастил свое присутствие и вытеснил Новую Зеландию. Участники списков пяти наиболее влиятельных государств по участию в капитале и владению долговыми инструментами остались прежними. Однако их очередь изменилась. В первом случае Сингапур занял место Республики Корея. Во втором – Гонконг потеснил Китай.

млн долл. США

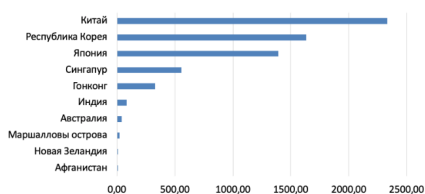
Динамика всех ПИИ из Азии и ТР, 2015-2020

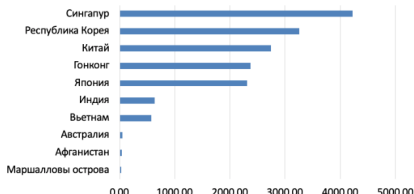
Среднегодовой объем всех ПИИ из Азии и ТР, 2015-2020

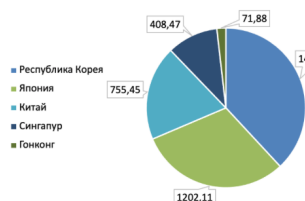
Топ-10 иностранных инвесторов, 2015

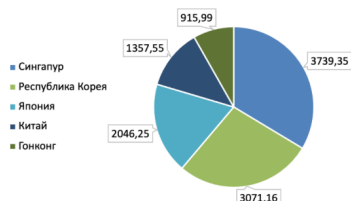
Топ-10 иностранных инвесторов, 2020

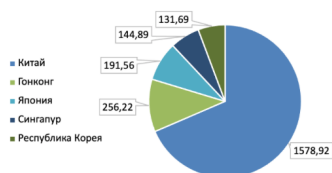
Топ-5 иностранных инвесторов по участию в капитале, 2015

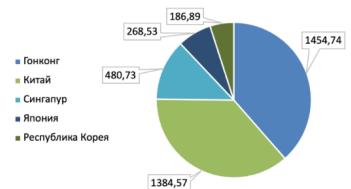
Топ-5 иностранных инвесторов по участию в капитале, 2020

Топ-5 иностранных инвесторов по владению долговыми инструментами, 2015

Топ-5 иностранных инвесторов по владению долговыми инструментами, 2020

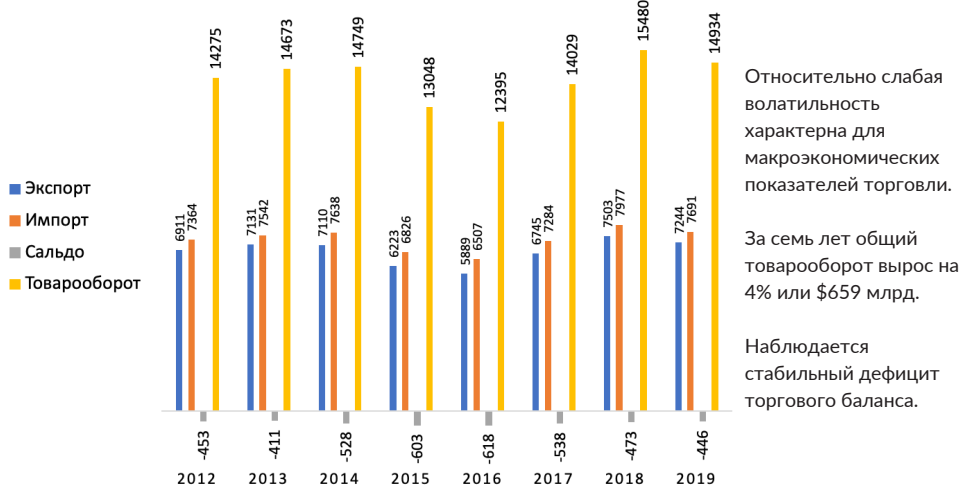

*Источник: Центральный Банк РФ. Использованы данные о входящих остатках по инструментам и странам-партнерам (по принципу направленности). Включены инвестиции в банки, финансовые и нефинансовые организации. Дата последнего обновления: 1 марта 2021 г. Государства определены согласно классификации Всемирного Банка.

Торговля между Россией и странами Азии*, 2012-2019

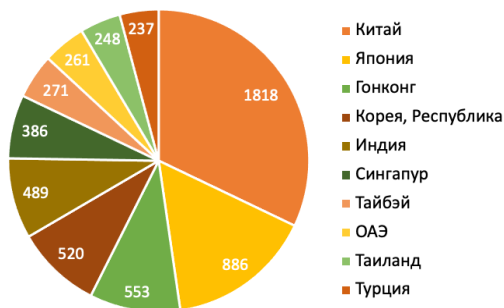

млрд долл. США

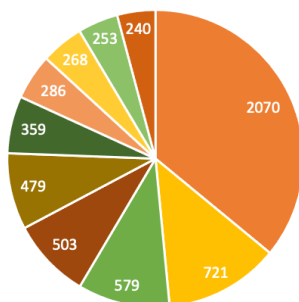
2012 Экспорт Топ-10

Верхние десять позиций в структуре российского экспорта на азиатском направлении занимали государства Юго-Восточной, Южной Азии, а также Ближнего Востока.

2019 Экспорт Топ-10

- Китай
- Япония
- Гонконг
- Корея, Республика
- Индия
- Сингапур
- Тайбэй
- ОАЭ
- Вьетнам
- Таиланд

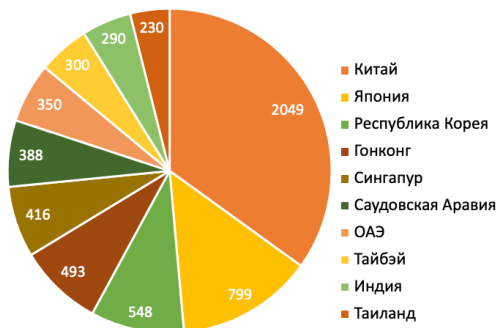

За семь лет Топ-8 покупателей российской продукции сохранили свои позиции и незначительно увеличили свой импорт.

Примечательно, что Вьетнам смог вытеснить Турцию и опередить Таиланд.

2012 Импорт Топ-10

Отличительной особенностью российского импорта являлось присутствие Саудовской Аравии. В сравнении с экспортом Королевство занимало место Турции

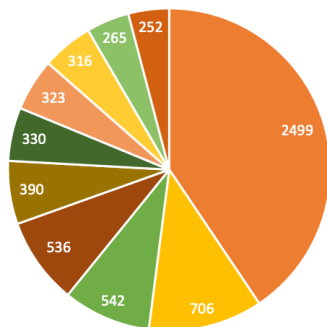

- Китай
- Япония
- Республика Корея
- Гонконг
- Сингапур
- Тайбэй
- Индия
- ОАЭ
- Вьетнам
- Саудовская Аравия

2019 Импорт Топ-10

За заданный период список партнеров и их позиции в российском импорте практически не изменились.

Видно, что Вьетнам нарастил свой экспорт и потеснил Таиланд.

Торговля между Россией и странами Азии стабильна. Российский импорт преобладает над экспортом, поэтому государство продолжает выступать заемщиком.

Китай остается основным торговым партнером России. При этом Россия и Вьетнам нарастили торговое сотрудничество.

Произошла точечная переориентация российского экспорта и импорта от ближневосточных партнеров в пользу южно-азиатских.

*Источник:
International Trade
Centre (ITC)
на основе
статистики UN
COMTRADE и ITC.
*Государства
определены согласно
классификации ITC.*

интеграционным форматам в АТР и через них выстраивать правила торгово-инвестиционной деятельности и отношений в сфере безопасности. Наибольшим потенциалом на данный момент обладает АСЕАН и развивающиеся вокруг неё форматы (включая Всестороннее региональное экономическое партнёрство — ВРЭП).

Возможно, будет предпринята попытка создания торгового объединения вокруг Японии на базе Транстихоокеанского партнёрства, выход из которого США не помешал его учреждению. С точки зрения российских интересов появление такого японоцентричного формата нежелательно: осложнятся условия торгово-инвестиционного сотрудничества между Россией и Японией. В долгосрочной перспективе вероятно присоединение к такому

объединению США, что автоматически делает его американоцентричным. С другой стороны, создание такого формата оказывает давление на Китай, стимулируя его к развитию собственных институциональных инициатив, в том числе совместно с Россией.

АСЕАН и выстроенные вокруг неё структуры остаются пока наиболее развитым и широким многосторонним институциональным образованием в Азии. Наиболее масштабной инициативой при формальном лидерстве асеановских структур является ВРЭП — соглашение о создании зоны свободной торговли, сопоставимой по своему экономическому весу с ЕС и включающей в себя всю восточную часть Евразии, Австралию и Новую Зеландию (11+5 за вычетом Индии). С участием Евразийской экономической комиссии России приступила к предварительной проработке возможности и целесообразности присоединения к нему. Такая перспектива открыла бы перед Москвой и ЕАЭС совершенно новые горизонты.

При этом успешное завершение переговоров о создании ВРЭП, которые велись с 2013 г., ознаменовало важный сдвиг в эволюции асеановских инициатив. Во-первых, они стали претендовать на более широкий, общеазиатский формат развития, «вобрав» в себя два его ключевых полюса. Во-вторых, обозначилось смещение лидерства от АСЕАН к КНР в силу объективно преобладающего экономического и политического веса Пекина, ставшего главным «стейкхолдером» инициативы. Для России усиление институциональных позиций Китая является не угрозой, а возможностью активнее включиться в общеазиатские процессы, используя позитивную динамику российско-китайских отношений.

Этому способствует также значительно усилившаяся экономическая взаимозависимость между странами АСЕАН и Китаем, что сделало их естественными партнёрами в рамках осуществления и масштабирования совместных многосторонних проектов.

Одновременно Китай стремится продвигать собственные многосторонние инициативы, жёстко замыкающиеся на Пекин финансово, политически и институционально, вне формальной привязки к АСЕАН. Одна из таких инициатив — созданный в 2014 г. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), призванный играть роль институционального зонтика для китайских капиталовложений в государства Евразии. Россия — один из крупнейших акционеров АБИИ, ей принадлежат 6,5% акций. Грамотное использование этого инструмента позволит увеличить возможности влияния Москвы на повестку развития Большой Евразии, в том числе на выстраивание её инфраструктурной основы.

Инициатива «Пояса и Пути» для Китая — ключевой проект и инструмент конвертации накопленного им финансово-экономического присутствия в странах-соседях в усиление политического влияния и международного статуса. При этом, будучи не только и не столько институциональным (во всяком случае пока), сколько идеологическим проектом, «Пояс и Путь» может

оказывать ощутимое влияние на развитие институционального облика всего евразийского континента и смежных регионов. Инициатива формирует концептуальную и политическую оболочку для поддержания благоприятного для Пекина направления геоэкономического и геополитического развития окружающего пространства. Россия вовремя приняла единственно правильное решение не противодействовать этому проекту, а вписать его в предлагаемую ею повестку общего развития Большой Евразии. Первые необходимые шаги в данном направлении уже сделаны. Они выражаются как минимум во взаимной официальной поддержке: Китаем — Всеобъемлющего большого евразийского партнёрства, Россией — «Пояса и Пути».

Для этого Россия обладает собственным значительным потенциалом институционального влияния на международные процессы в Евразии и выступает ядром целого ряда инициатив, наиболее важными из которых являются ЕАЭС, СНГ, ОДКБ. При этом ЕАЭС как стейкхолдер развивающегося интеграционного процесса обладает рядом преимуществ. Во-первых, среди всех реализуемых в Большой Евразии институциональных инициатив ЕАЭС — единственный после ЕС формат глубокой интеграции, все другие форматы ограничиваются заключением ЗСТ разного уровня. Во-вторых, данная инициатива — единственный условно «континентальный» интеграционный проект в Евразии, в отличие от ориентированного на АТР ВРЭП и имеющего трансатлантическую политическую и военно-стратегическую привязку ЕС. Это повышает потенциал ЕАЭС как институциональной и логистической связки между восточной и западной Евразией.

Главный структурный ограничитель — это сравнительная молодость инициативы и отсутствие понимания необходимости построения союза обществ, а не государств. В ЕАЭС сохраняется относительно низкий уровень внутриблоковых торгово-экономических связей (около 13% от общего торгового оборота стран-участников). Имеется и ряд институциональных проблем, касающихся недостатков нормативно-правовой и технической базы, кадрового и административного сопровождения. Вовлечение государств вне пространства ЕАЭС в интеграционные процессы через развитие отношений с другими многосторонними форматами Большой Евразии — не только способ влияния на общую повестку институционального развития Большой Евразии, но и способ преодоления внутренних проблем самого ЕАЭС через усиление его экономической базы, повышение качества институтов и накопление переговорного опыта ЕАЭК, в том числе на треке создания общей нормативной базы и взаимодействия с Пекином.

Сегодня единственным развитым многосторонним форматом с участием России и Китая в качестве лидеров остаётся созданная ещё в 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества, которая продолжает наращивать влияние. Вместе с тем она имеет целый ряд структурных ограничителей для дальнейшего развития в качестве одного из опорных институтов архитектуры Большой Евразии. ШОС выполняет скорее функцию оболочки, нежели политико-институциональной основы. Присоединение Индии и Пакистана

хотя и вывело организацию на новый уровень, тем не менее снизило потенциал качественного углубления её повестки. Чрезвычайно важным для дальнейшего развития ШОС станет то, насколько продуктивно её удастся использовать в качестве площадки для дипломатического диалога между ключевыми государствами Большой Евразии: Россией, Индией, Китаем и Пакистаном.

В этих условиях при сохранении за ШОС роли важной диалоговой площадки России и Китаю целесообразно параллельно развивать общую повестку Большой Евразии вне организации, опираясь на двусторонние инициативы последних лет (сопряжение деятельности ЕАЭС и инициативы «Пояса и Пути», идея Всеобъемлющего большого евразийского партнерства) и укрепляя институциональную базу двусторонних отношений.

Альтернативными, а в некоторых случаях жёстко противопоставляемыми институциональному треку Большой Евразии, являются геополитические проекты США. До недавнего времени ключевой инициативой на данном направлении было Транстихоокеанское партнёрство, объединявшее 12 государств АТР, главным образом самих США и их региональных союзников. Оно было призвано закрепить в регионе американские правила международной экономической деятельности и превращение США в центр геоэкономической динамики в АТР и Евразии. Выход США из ТТП нанёс серьёзный удар по этому формату, однако сегодня администрацией Дж. Байдена рассматривается возможность возврата к нему (хотя это и будет иметь меньший эффект, нежели ранее предполагалось). Чистой воды контрпроект — привязка к проводимой США политике сдерживания Китая, создания и расширения в этих целях многофункциональной базы Японии, Индии, Австралии и в перспективе Великобритании. Хотя в первую очередь он направлен против Китая, данный контрпроект ущемляет и интересы Москвы.

В результате бурного институционального строительства, запуска разных интеграционных треков и создания разнонаправленных межгосударственных организаций в Евразии образовался феномен «миски лапши» — конгломерата взаимосвязанных и взаимопроникающих друг в друга проектов. Такое обилие институциональных форматов, не имеющих единой логики развития и не учитывающих оказываемое им противодействие, снижает качество этих форматов и потенциал их дальнейшего укрепления. Как следствие, происходит относительное снижение качества институтов и девальвация их политического авторитета.

В этих условиях согласование единой логики институционального развития в рамках Всеобъемлющего большого евразийского партнёрства и других позитивных многосторонних инициатив приобретает особенно важное значение. Цель формирования Большой Евразии как геополитической и геоэкономической реальности состоит не столько в том, чтобы объединить разнообразные структуры и форматы в унифицированный институт регулирования и сотрудничества (все попытки создания такого института в АТР на базе АТЭС и других инициатив провалились), сколько в том, чтобы обес-

печить гармоничное сосуществование, развитие и синергию уже созданных и планируемых форматов, что позволит повысить эффективность и устойчивость институциональной архитектуры Большой Евразии. Россия должна играть в этом процессе весомую и по возможности даже лидирующую роль.

Активное участие России в формировании институциональной и нормативной среды Евразии поможет качественно нарастить экономическое присутствие России в регионе. Для этого стратегические ориентиры российской внешней политики в отношении стран Азии потребуются серьёзно пересмотреть с учётом объективных и долгосрочных тенденций эволюции региона.

Одна из таких тенденций — неуклонный рост благосостояния населения. В большинстве стран Азии он ведёт к качественным изменениям в структуре потребления, существенно увеличивая спрос на такие товары, как мясопродукты, пшеница, алкоголь, бумага и бумажная продукция, а также софт, электронные игры и образовательные продукты, системы киберзащиты и информационно-коммуникационные услуги. Увеличение спроса имеет поступательный характер и отличается исключительно высокими темпами.

Государственная внешнеэкономическая политика в отношении стран Азии должна быть системной, комплексной и основанной на объективной оценке существующих конкурентных преимуществ и ограничений. Новые структурные факторы мировой экономики — изменение климата, обострение проблемы воды, сокращение пригодных для сельскохозяйственного использования земель — существенным образом усиливают обозначенные выше конкурентные преимущества России и позволяют занять открывающиеся на азиатском рынке товарные ниши в условиях благоприятной ценовой конъюнктуры.

Важно, чтобы развитие производственной и транспортной инфраструктуры, которая может обеспечить выход России на азиатские рынки с растущим спросом, осуществлялось на основе чётко определённых приоритетов. Необходима ориентация на поддержку перспективных производств в наиболее перспективных с экономической точки зрения отраслях с учётом мультиплицирующего эффекта развития смежных отраслей и сфер деятельности. Это позволит не только добиться высокой прибыльности в относительно короткие сроки, но и оживить спрос и производство.

Достижение целей закрепления России в качестве основного поставщика на растущих потребительских рынках Азии невозможно в отрыве от развития прилегающих территорий Российской Федерации. Базой для экспортного прорыва в Азию могут стать новые производственные комплексы, транспортные артерии, институты подготовки и переквалификации кадров на территории Сибири и Дальнего Востока — желательно с привлечением зарубежных инвестиций в проекты российских институтов развития. Такой прорыв усилит и внутреннее единство европейской и азиатской частей страны.

В этом контексте одна из важнейших задач, которые предстоит решать в

опережающем порядке, — привлечение трудовых ресурсов из европейской части России или импорт рабочей силы из Центральной Азии, Индии, Бангладеш и Китая. Промедление угрожает российскому Дальнему Востоку нарастанием стагнационных тенденций и возникновением геоэкономического вакуума, который внешние игроки постараются заполнить.

Постановка всех этих целей и создание механизмов их достижения должны стать органичной частью гибридной внешнеполитической стратегии страны, под которую были бы подвёрстаны конкретные планы государственных структур, бизнеса, политических и общественных организаций.

Ближний Восток: закрепление успехов

Макрорегион Большого Ближнего Востока, включающий в себя субрегионы Центральной Азии, Западной Азии и Северной Африки, находится в состоянии системной дестабилизации, вызванной как внешними, так и внутренними факторами. К первым относится двойственная политика США и их союзников: для борьбы с исламским терроризмом они развязали новую «бесконечную войну» в Афганистане, окончательно разрушив афганскую государственность и превратив Афганистан в «черную дыру» в центре Евразии. Для устранения дестабилизирующего Ближний Восток режима Саддама Хусейна под ложным предлогом наличия оружия массового поражения западные столицы организовали незаконное вторжение в Ирак, что привело к резкой эскалации межконфессиональных противоречий в Ираке и, как следствие, к появлению радикальных исламистских организаций нового типа, в первую очередь ИГ (организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ). Западная интервенция 2011 г. в Ливии, начатая с целью поддержки демократических устремлений ливийцев и устранения Каддафи, также привела к разрушению единого ливийского государства, превращению Ливии в пространство транзита для терроризма, радикального исламизма и незаконной торговли оружием с крайне негативными последствиями для североафриканского и сахаро-сахельского регионов. Наконец, продолжающееся по сей день вмешательство Вашингтона, Парижа и Лондона в сирийский конфликт способствовало его обострению и эскалации, радикализации противников режима Башара Асада. Деньги и оружие, направляемые так называемой умеренной оппозиции, оказывались в руках различных радикальных исламистских группировок. В целом политика коллективного Запада на Большом Ближнем Востоке способствовала разрушению государственности региональных государств, распространению терроризма и идеологии джихадизма и межгосударственной напряжённости, несмотря на декларируемое западными столицами стремление к миру, стабильности и безопасности в регионе.

Вместе с тем проблемы региона Большого Ближнего Востока имеют и крайне глубокую внутреннюю составляющую. Во-первых, большинство представителей региона — это страны без истории успешной государственности, созданные по росчерку пера колониальных метрополий (араб-

ские государства Ближнего Востока и Северной Африки). Они структурно и институционально неустойчивы, и их население подвержено влиянию популистских и экстремистских идеологий. Во-вторых, подавляющее большинство стран региона находится под угрозой экономического и технологического отставания из-за недостаточности драйверов эндогенного развития и неэффективности механизмов догоняющей модернизации. Структурная экономическая слабость стран региона обрекает их на зависимость от сырьевой ренты и миграционных потоков. Более того, подобная экономическая модель ведёт к разрастанию экономического неравенства. В свою очередь, разрастающееся неравенство вызывает запрос населения стран Большого Ближнего Востока на социальную справедливость, который преобразуется в повсеместное распространение в мусульманских странах региона радикальных исламистских идеологий. Наконец, само место и роль современного ислама в обществе являются причиной социальной нестабильности мусульманских стран региона: в целом ряде стран (Египет, Пакистан, Тунис, Алжир и др.) идёт война за влияние между более секулярными и прогрессивными частями общества, а также между религиозными и традиционалистскими, в которой временно берут верх то одни, то другие. В целом институциональная, политическая, экономическая и культурно-идеологическая слабость стран региона — ключевой фактор региональной нестабильности.

При этом на Большом Ближнем Востоке расположено более половины всех запасов нефти, имеются значительные запасы природного газа. Рынки ближневосточных стран (монархий Персидского Залива, Турции, Ирана, Египта, магрибских стран) крайне перспективны. Переход от экстенсивной, ресурсоориентированной модели развития — цель практически всех ближневосточных государств: так, Саудовская Аравия приняла государственную стратегию «Видение-2030» с целью снижения нефтезависимости страны. Однако переход к наукоёмкому производству невозможен без привлечения прямых инвестиций и трансфера компетенций ведущими отраслевыми лидерами. Конкуренция за рынки ближневосточных стран порождает напряжённость между внерегиональными игроками, подливая масла в огонь региональной нестабильности, подогреваемой транснациональным терроризмом и внутренней слабостью государств региона.

Наряду с этим, усиливается межгосударственная напряжённость разнонаправленного характера. Ключевые противостояния в регионе идут по оси Тегеран — Эр-Рияд, Тегеран — Тель-Авив. «Ближневосточная холодная война» выражается в прокси-войнах в Сирии, Ираке, Йемене и Ливане и непрекращающемся медиа-противостоянии. С 2017 г. в регионе появилась новая ось противостояния: Анкара — Катар — Эр-Рияд — Абу-Даби — Каир. Она нашла отражение в прокси-войне в Ливии, напряжённости в Восточном Средиземноморье, блокаде Катара и медиа-войне Аль-Джазиры и Аль-Арабийи. Стоит также упомянуть дополнительные причины напряжённости в регионе: неурегулированный вопрос Палестины, курдскую проблему и другие очаги противоречий.

Таким образом, под влиянием трёх дестабилизирующих факторов (вмешательства западных игроков, терроризма, структурной слабости региональных государств и многослойного межгосударственного противостояния) геополитическое пространство Большого Ближнего Востока пребывает в состоянии перманентной нестабильности, угрожающей всей системе глобальной безопасности. Исламский радикализм проник как в Субсахарскую Африку (Сахель, Нигерию, Сомали, Мозамбик), так и в Юго-Восточную Азию, на Филиппины, в Малайзию. Колоссальное распространение получили торговля оружием и наркотиками. Как следствие, противостояние региональных и мировых держав в рамках региональной системы приобрело всеобъемлющий, неограниченный характер, грозящий преднамеренной или непреднамеренной эскалацией с непредсказуемым развитием событий.

В этих условиях вклад России в решение проблем макрорегиона, тесно сопряжённых с внутривосточными, становится особенно востребованным: от него выиграют в одинаковой степени и Россия, и народы Большого Ближнего Востока. На необходимость его увеличения и оптимизации работает ряд факторов.

Во-первых, в силу целого ряда причин в регионе наблюдается временное уменьшение присутствия Запада. Допущенные западными столицами просчёты привели к временному снижению их идеологического и политического влияния и ослаблению позиций на рынках стран региона. Соединённые Штаты, обладающие наиболее развёрнутой сетью военно-политического, экономического и культурного присутствия, пересматривают свой подход к Большому Ближнему Востоку. Однако противоборствующие американские политические элиты по-разному видят оптимальную стратегию в регионе. Часть истеблишмента Демократической партии постарается не только сохранить, но и нарастить влияние США в регионе (однако пока пересмотренного подхода к американскому присутствию на Ближнем Востоке не было представлено). Республиканцы, стремительно превращающиеся из неоконсерваторов в партию «Америка превыше всего», интерпретируют американские интересы в регионе несколько ограниченно. Это делает американскую политику в какой-то степени бессистемной и непоследовательной.

В то же время европейским державам — в первую очередь, Франции и Великобритании — похоже, не удаётся удержать остатки бывшего влияния в регионе. Образовавшуюся в ходе уменьшения западного влияния нишу может занять Россия, став одним из структурообразующих внерегиональных акторов Большого Ближнего Востока. Однако для этого понадобятся оперативные и решительные действия, поскольку и западные, и незападные мировые державы будут стремиться вернуть утраченные позиции или занять освободившиеся.

Во-вторых, Москва не имеет недавнего негативного исторического опыта. Воспоминания о войне в Афганистане были во многом стёрты американ-

скими вторжениями 2001 и 2003 гг. Кроме того, Россия обладает уникальным опытом взаимодействия с народами и культурами Большого Ближнего Востока; благодаря наличию региональных диаспор и собственного российского мусульманского меньшинства. Это обеспечивает естественную интенсивность политических, экономических и культурных взаимодействий с народами региона и делает Россию более «региональной», чем другие внерегиональные акторы.

В-третьих, в России существует собственная сильная востоковедческая школа, основанная на многовековом опыте взаимодействия российского государства с народами Большого Ближнего Востока. У других внерегиональных акторов (Китая и Индии) нет столь значительного опыта присутствия на Ближнем Востоке, поэтому в области ближневосточной экспертизы Россия пользуется определённым преимуществом.

Тем не менее вплоть до середины 2010-х гг. Россия не использовала свои уникальные преимущества и даже в настоящее время использует их лишь частично. После распада Советского Союза её присутствие в регионе крайне ослабло. Москва не имела ни ресурсов, ни интереса для проведения системной политики на Ближнем Востоке. Российские производители ушли с большинства местных рынков, кроме рынка вооружений, где российский экспорт упал более чем в два раза по сравнению с советским. Чуть ли не единственным успехом российской политики на Ближнем Востоке в 1990-е гг. стало установление экономических связей с монархиями Залива, а наиболее крупной сделкой — строительство Россией Бушерской АЭС в Иране.

В 2000-е гг. Россия начала возвращаться на ближневосточные рынки: увеличился экспорт вооружений (Алжир, Ливия), интенсифицировались туристические потоки, в результате чего российские граждане стали массово ездить в Турцию, Египет, Тунис. Однако в политическом плане Москва оставалась на вторых ролях: как и большинство стран мира, она могла лишь осуждать американское вторжение в Ирак. Тем не менее российские компании начали активнее выходить на рынки стран Ближнего Востока и Северной Африки: в 2008 г. РЖД выиграла контракт на строительство железной дороги Сирт-Бенгази на сумму 3,5 млрд долл., в 2010 г. был заключён контракт на строительство АЭС «Аккую» в Турции.

Начавшаяся в 2011 г. арабская весна ещё больше подорвала российские позиции в регионе. Большинство договорённостей было сорвано из-за смены правящих режимов, и последующая дестабилизация вызвала всплеск исламского терроризма, который начал представлять непосредственную угрозу национальной безопасности России. В Исламское государство Ирака и Леванта отправились тысячи людей с Северного Кавказа, в особенности — из Чечни и Дагестана.

Ответом на исходящие из региона новые угрозы стало политическое возвращение России на Ближний Восток, точкой отсчёта которого послужило развёртывание в 2015 г. операции ВКС в Сирии. За прошедшие шесть лет конфликта Россия смогла коренным образом переломить ход войны, позволив

сирийскому правительству отвоевать большую часть страны. Однако выиграть войну недостаточно — России предстоит выиграть сирийский мир. Это значительно более трудная задача, которая осложняется иностранным военным присутствием в Сирии (американским в зоне безопасности Ат-Танф и у сирийско-иракской границы, турецким — в Идлибе и на севере страны).

Помимо этого, Россия начала втягиваться в ливийский конфликт: она поддерживает диалог с представителями как Триполи и Мисураты, так и Тобрука, а с 2018 г. стали появляться сообщения о присутствии в Ливии российских ЧВК. С 2020 г. Россия активно вовлечена в процесс мирного урегулирования — как через «Берлинский», так и «Московский» форматы.

Политическое возвращение России на Ближний Восток получило выражение в увеличении экспорта российских вооружений и подписании новых экономических контрактов (соглашение о строительстве АЭС Эд-Дабаа в Египте). Интенсифицировались контакты с государствами Персидского Залива, Турцией, Египтом, однако товарооборот с Ближним Востоком и Северной Африкой (БВСА) остаётся довольно незначительным в общей структуре российского товарооборота. Крупнейшим экономическим партнёром является Турция: товарооборот между Москвой и Анкарой достиг 30 млрд долл., что превышает совокупный товарооборот России с остальными странами региона.

Однако несмотря на интенсификацию взаимодействия, Москва не имеет на данный момент видения того, что она может предложить Большому Ближнему Востоку. Россия сможет извлечь максимальную выгоду из открывшихся возможностей и собственных преимуществ, только если российская ближневосточная политика приобретёт системную основу.

Россия могла бы более искусно использовать декларируемую ею доктрину невмешательства во внутренние дела. Безусловно, попытка навязывать и распространять некие универсальные ценности на Ближнем Востоке обречена на провал, однако это не значит, что российская политика должна ориентироваться исключительно на «верха». Наоборот, долгосрочное и глубокое присутствие можно обеспечить лишь посредством интенсификации и институционализации отношений с политическим сообществом, предпринимательским классом, гражданскими и культурными организациями. В регионе, где государственные перевороты и революции — неотъемлемая часть политического ландшафта, Россия должна знать потенциальных новых правителей в лицо, при этом не содействуя антиправительственным действиям. России необходимо выстраивать в странах Востока культурные сети влияния, экспортировать образовательные и экспертные услуги, а также свою массовую культуру. Для этого налаживать систематическое сотрудничество необходимо по следующим направлениям.

Политическое направление сотрудничества:

1. усиление межпарламентского взаимодействия. Парламент в арабских странах зачастую представляет собой совокупность представителей кла-

нов и племён, в связи с чем межпарламентское взаимодействие (визиты, совместные комиссии, практики обмена опытом) позволит России лучше понимать внутривосточный баланс интересов;

2. усиление межпартийного взаимодействия. Безусловно, ключевое преимущество России — её способность говорить со всеми представителями политического сообщества ближневосточных стран. Тем не менее представляется перспективным интенсифицировать взаимодействие с партиями «консервативных модернизаторов», такими как «Будущее нации» в Египте, «Партия арабского социалистического возрождения» (Баас) в Сирии, «Национальное демократическое объединение» в Алжире и др. Идеология консервативной модернизации может стать идейной основой российского присутствия на Ближнем Востоке, выгодно отличающейся на фоне исламистского и вестернизационного проектов. Как и в случае с межпарламентским сотрудничеством, межпартийное взаимодействие представляется самоценным, так как укрепляет идейную близость между странами региона и Россией;

3. интенсификация взаимодействия по межправительственной линии, в частности по линии «технических министерств» (МВД, Минпромторг, Минюст);

4. укрепление контактов с оппозицией в странах БВСА. Даже несмотря на декларируемое невмешательство, необходимо взаимодействовать с крупнейшими оппозиционными структурами. Вместе с тем, чтобы не вызвать раздражения со стороны авторитарных режимов, такого рода контакты должны проходить по второму треку: через научные, экспертные, образовательные, религиозные организации, а также российские оппозиционные партии.

Экономическое направление сотрудничества:

1. формирование эффективной системы поддержки экспорта и присутствия на рынках. Для этого необходимо качественно изменить характер экономической деятельности посольств и расширить систему торговых представительств и офисов Российского экспортного центра, на чьи плечи ляжет взаимодействие с местными властями, поиск партнёров, продвижение российского бизнеса на местах. На данный момент офис РЭЦ есть только в Иране, а российские торговые представительства функционируют в Алжире, Марокко, Египте, Турции, ОАЭ;

2. реанимация институтов торгово-экономического сотрудничества: торговых палат и деловых советов. Данные сетевые структуры должны ориентироваться в первую очередь не на крупные компании, а на малый и средний бизнес России и ближневосточных стран, который нуждается в экспертизе и ориентации на иностранном рынке;

3. передача обязанности по координации деятельности торговых палат, деловых советов, торговых представительств и офисов РЭЦ МИД.

Социальное направление сотрудничества

Без взаимодействия российского общества с ближневосточными у российского присутствия будет отсутствовать социальный фундамент. Проникновение русской культуры и общественных организаций в жизнь ближневосточных стран, в свою очередь, будет способствовать более лёгкому ведению дел в этих государствах. Для этого необходимо:

1. значительно расширить систему образовательного обмена со странами региона. Перспективным представляется создание программ двойного диплома между российскими и ближневосточными университетами в области медицины, точных, естественных и социально-экономических наук;
2. способствовать культурному проникновению России в регион посредством организации выставок, концертов, экспорта российского кинематографа.

Медийное направление сотрудничества:

Россия обладает в регионе эффективным медийным инструментом в виде канала «*Russia Today*», доступного по всему Ближнему Востоку. Однако следующим шагом в продвижении российской медиа-повестки должно стать целевое расширение на конкретных страновых рынках для продвижения своих политических и экономических интересов. Для этого необходимо:

1. сделать *RT* и *Спутник* таргетированными по странам по примеру Аль-Джазиры. В первую очередь это относится к *Спутнику*, который может работать на локальную повестку;
2. установить регулярное взаимодействие со страновыми СМИ для повышения осведомлённости о российском бизнесе и инвестиционных возможностях в самой России.

Предлагаемые меры не потребуют привлечения чрезмерных дополнительных ресурсов. Их, скорее, следует воспринимать как инвестиции, которые в будущем вернутся сторицей в виде экономических сделок.

При этом для проведения успешной политики на Ближнем Востоке и в Северной Африке России необходимо учитывать ряд ограничений и адекватно ответить на стоящие перед ней вызовы.

Момент для обновления региональной стратегии на Большом Ближнем Востоке самый подходящий: Москва значительно расширила политический вес на региональной арене. Однако удержать и укрепить позиции Россия сможет, лишь заложив долгосрочную основу своего присутствия через создание сетевых структур политического, экономического, социального и медийного взаимодействия. Это позволит адекватно отвечать на региональные вызовы и максимизировать отдачу от имеющихся внешнеполитических ресурсов.

Евроатлантический вектор: в поисках новой парадигмы взаимодействия

Утверждения о том, что администрация Д. Трампа вбила клин в отношения между США и остальными членами НАТО, — чистой воды спекуляции.

Они были массированно использованы в рамках многолетней кампании по дискредитации предыдущего президента Соединённых Штатов и всего того, что им было сделано. В действительности Д. Трамп ни на йоту не отошёл от общеполитического курса всех предыдущих администраций на подчинение евроатлантического пространства национальным интересам Америки и его консолидацию под эгидой Вашингтона.

«Приструнить» и заставить «раскошелиться» европейцев американскому истеблишменту понадобилось для исправления дисбаланса в отношениях, которые его перестали устраивать. Соединённые Штаты взяли на себя всё бремя расходов и усилий по обеспечению глобальной и региональной безопасности и наведению порядка в своём понимании в отдельных ключевых странах, а в ответ получили непропорционально мало: ни лояльности и послушания, ни благодарности и сколько-нибудь весомого вклада в общие расходы и усилия. Когда Вашингтон взял курс на вторжение в Ирак, европейцы попытались этому воспрепятствовать. Когда американцы начали войну с талибами в Афганистане, европейцы в основном ограничились тыловым обеспечением боевых действий, а потом и вовсе под самыми разнообразными предлогами поспешили уйти из страны, бросив США бесславно заканчивать начатое.

Военные расходы европейцев несопоставимы с американскими. За два десятилетия, прошедших после бомбардировки Белграда, когда от военного участия европейцев, по мнению Пентагона, не было никакого прока, по большому счёту ничего не изменилось ни в плане желания ЕС преданно следовать за Вашингтоном, ни с точки зрения способности Европы вносить осязаемый вклад в реализацию его стратегических установок. Поэтому острейшую критику со стороны сторонников Демократической партии вызвала лишь резкая манера поведения Д. Трампа и его демонстративное пренебрежение партнёрами, а не суть выдвинутых им требований. Новая администрация этот мнимый кризис сняла уже одним тем, что вытеснила Д. Трампа из Белого дома.

Администрация Дж. Байдена продолжит — только гораздо более жёстко и непреклонно — прежний курс на подчинение ЕС стратегическим целям сдерживания Китая как системного соперника и противника евроатлантической гегемонии и порядка, в основе которого лежат американские представления о мироустройстве, надлежащей модели политического устройства и ценностях.

Ранее США уже начерно подготовили НАТО к решению качественно новых задач. Североатлантический альянс дружно солидаризировался с выходом США из РСМД, понадобившимся Вашингтону для развёртывания ракет средней и меньшей дальности по периметру морских границ Китая, хотя от прекращения действия очередного разоруженческого договора европейская безопасность явно пострадала. Альянс распространил сферу своей ответственности на космос и киберпространство, что обесценило аргументы европейцев относительно того, что территориально они располага-

ются далеко от Китая и географически НАТО никак не может заниматься его сдерживанием — теперь может, поскольку в обоих случаях и «граничит», и сталкивается с ним.

ЕС к сдерживанию Поднебесной, по крайней мере концептуально, приготовился самостоятельно. Директивные документы объединения дополнились квалификацией Пекина в качестве не только конкурента, но и соперника, придерживающегося чуждых европейскому социуму политических и ценностных установок. Но принципиально поменяло политико-экономический ландшафт в Европе вынужденное согласие ЕС и его государств-членов отказаться под давлением администрации Д. Трампа, а затем и Дж. Байдена, от сотрудничества с Китаем в развёртывании сетей 5G и в целом на технологическом направлении. При этом товарооборот ЕС (прежде всего Германии) с Китаем превышает товарооборот с Соединёнными Штатами, и его объёмы продолжают увеличиваться за счёт нового сухопутного моста в Европу, проложенного Пекином. Более того, спустя семь лет переговоров было подписано Всеобъемлющее инвестиционное соглашение. Однако для Вашингтона это не так существенно. Гораздо важнее, что по мере реализации коммерческих проектов немецкие компании и в меньшей степени компании других членов ЕС передали Китаю десятки тысяч патентов, лицензий, полных комплектов документации по новейшим технологиям, позволивших Поднебесной ускорить экономическое развитие на самой современной технологической базе. Теперь этот процесс серьёзно замедлится и будет взят под неусыпный контроль.

Раньше утверждения о том, что ЕС постарается проводить в отношении Китая эмансипированную политику, в каких-то своих аспектах казались убедительными, так как работал фактор ускоренного дрейфа Европы от Америки Д. Трампа. После того, как при новой администрации евроатлантические объятия стали и крепче, и душевнее, надежды Брюсселя на возможность выбора в пользу равной удалённости в области экономики уже развеялись. Сыграла свою роль и эффективность вторичных санкций.

В меняющихся геополитических условиях ЕС, забыв на время о претензиях на геостратегическую самостоятельность, на словах будет по-прежнему формулировать свои амбиции в этой сфере, однако займётся решением намного более важных задач, от которых зависит его будущее. В их число входят консолидация интеграционного объединения и создание предпосылок для того, чтобы усиление ЕС шло рука об руку с укреплением входящих в него суверенных государств.

Важным этапом в этом отношении стало с трудом выношенное решение ЕС по вопросу обобществления долгов. Принятое по итогам марафонской сессии Европейского совета 17–21 июля и затем окончательно закреплённое в декабре 2020 г., оно стало водоразделом в современной истории ЕС. Перераспределение многомиллиардных средств в пользу периферии объединения должно позволить выровнять уровни экономического развития, подстегнуть модернизацию и транзит в новую зелёную экономику отстаю-

щих стран. Проект очень затратный, и парламенты части государств-членов до сих пор не дали отмашку на его осуществление. Сохраняется неопределённость с отбором проектов, которые сейчас готовятся национальными правительствами, что в отдельных случаях потребовало даже радикального изменения правящей коалиции (Италия). Тем не менее в случае если у ЕС получится реализовать принятое решение, все третьи страны, включая Россию, будут иметь дело не с прежним объединением, раздираемым многочисленными противоречиями, а с новым типом многоголового государства-крепости. Если раньше Россия ориентировалась на развитие приоритетных связей с отдельными государствами-членами ЕС, неспособными без санкции Брюсселя запустить на своей территории даже производство российской вакцины против коронавируса, то в таком случае ей нужно быть готовой к взаимодействию с новым государственным образованием.

Россия внесла колоссальный вклад в формирование европейской цивилизации и стала её неотъемлемой частью. Это находит отражение в присущих ей традициях, вере, образе жизни, устремлениях и мышлении, а также в славянофильстве, которое в несколько модифицированном виде возрождается на каждом витке российской истории.

Россия исторически, географически и экономически связана с остальной частью Европы. В её европейской части сосредоточено большинство населения страны. Здесь наиболее развитая инфраструктура, расположены финансовый, производственный и культурный центры. С точки зрения торговли, права, инноваций и технологий Москва ни с кем больше не имеет столь много общего. Все попытки разворота на Восток и дегенерировавшие отношения с Западом, которые уже на протяжении более чем десятилетия раз за разом «пробивают дно», эту данность не в состоянии изменить.

Европейский вектор должен быть наиболее важным направлением российской внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, что, естественно, ни в коем случае не умаляет другие направления активности Москвы. Но место России — в Европе.

В прошлом руководство страны неоднократно заявляло, что заинтересовано в интеграции с остальной Европой настолько глубоко, насколько к этому готовы партнёры, выдвигало инициативы построения общего пространства от Атлантики до Тихого океана, поддерживало идеи союза союзов или интеграции интеграций, самым активным образом развивало сотрудничество и взаимодействие с евроатлантическими структурами. Однако в силу ошибок и просчётов, допущенных Москвой в осуществлении внутренней и внешней политики, и по вине НАТО, ЕС и их государств-членов европейский проект у России не получился. Во имя единства и мирного развития Москва в одностороннем порядке покончила с холодной войной, дала свободу странам социалистического содружества, распустила его военно-политические и экономические структуры, пошла на непередаваемые жертвы и лишения. НАТО и ЕС обесценили эти усилия, навязав всем, в том числе и части российского истеблишмента, представление о том, что Москва осталась проигравшей сто-

роной. Сейчас, похоже, они пытаются «украсть» у России победу во Второй мировой войне или, по крайней мере, всячески принизить её значение.

Москва предлагала сообщать строить Большую Европу, закрепив за Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европой статус нейтральных государств, не участвующих ни в каких блоках. Партнёры по Европе отвергли все эти вполне резонные и конструктивные предложения и, фактически предав всё то, ради чего Москва завершила холодную войну, пошли на безудержную экспансию НАТО и ЕС, поощрение стран общего соседства к разрыву исторических и цивилизационных связей с Москвой.

НАТО, ЕС и их государства-члены перешли все возможные «красные линии» своей политикой дестабилизации региона общего соседства (в которую вылились практические действия Брюсселя по распространению на него «своей зоны успешности и процветания»), наращивания его конфликтности, ущемления национальных интересов России, превращения абсурдных и противоестественных ограничений сотрудничества и всевозможных иных санкций чуть ли не в единственный инструмент общения.

Но значит ли это, что России надо хлопать дверью, рвать те связи, которые пока сохраняются, выходить из немногих оставшихся форматов взаимодействия и отказываться тем самым от своей истории и своего цивилизационного естества? Ни в коем случае.

Вместе с тем нужно чётко отдавать себе отчёт в том, что нынешняя структура евроатлантической архитектуры, безопасности и социально-экономического развития для Москвы неприемлема. Она построена на блоковой основе, подталкивающей НАТО и ЕС к нейтрализации конкурентов, поискам или созданию внешнего врага, роль которого неминуемо отводится России или России и Китаю.

Значит, неременным условием дальнейшего взаимодействия с европейскими странами НАТО, ЕС и их государствами-членами должно быть понимание того, что НАТО и ЕС должны либо самораспуститься, либо реально осуществить обещанное и запустить модификацию блоковой природы обоих образований. На этом ранее настаивал М. С. Горбачёв, а затем такое требование выдвигала независимая Россия.

Брюссель вряд ли устраивает перспектива противостояния с объединённым фронтом Москвы, Пекина и ряда других быстро поднимающихся экономик, однако вероятность подобного развития событий критически мала. В связи с этим необходимо выдвинуть также и предложение о создании вместо изжившего себя Совета Европы качественно новой зонтичной международной организации. Для достижения целей единства Европе реально нужна международная организация, объединяющая все европейские страны на подлинно равноправной основе, без какого-либо диктата, принуждения и спекуляций по поводу ценностей, монополией на толкование которых будто бы обладает только ЕС.

Такая организация должна обладать универсальной компетенцией, принимать обязывающие решения только на основе консенсуса, иметь максимально диверсифицированную структуру, заниматься самой злободневной повесткой национального, наднационального, регионального, межрегионального и международного развития, включать в себя межправительственное, межпарламентское, региональное, локальное, отраслевое и многие другие измерения.

До той поры, пока такая организация не будет создана, форматы НАТО + Россия, ЕС + Россия, СЕ сохраняются. В дальнейшем необходимость в них отпадёт. Однако, если партнёры сорвут, заблокируют или затянут создание такой панъевропейской структуры, Россия не будет поддерживать прежние паллиативы, закрепляющие межблоковое разделение Евroatлантики. НАТО и ЕС полностью дезавуировали существовавшие ранее форматы, заморозив и фактически ликвидировав их. Ценность и целесообразность структур, от которых одна из сторон в любой момент может отказаться по собственной прихоти, вызывает обоснованные сомнения.

В более широком плане можно предложить, чтобы политика России в отношении НАТО, ЕС и их государств-членов включала как минимум следующие базовые элементы, с которыми бы партнёры по континенту не могли не считаться.

Одним из слагаемых может стать формирование пакета инициатив, реализация которых в нужный момент нанесла бы непоправимо большой ущерб интересам НАТО и ЕС, их могуществу и позициям в мировой политике и экономике. К числу таких инициатив относятся изложенные в других разделах доклада предложения о формальном закреплении ответственности США, Великобритании и ЕС за преступления колониализма и неоколониализма в любых их формах и проявлениях, о замене национальных валют общемировой валютой и др. В этом же ряду стоит выдвигание требований о признании преступлениями против мира и человечества агрессивных действий против стран и народов Большого Ближнего Востока, приведших к гибели сотен тысяч людей.

Следующим слагаемым призвана стать конструктивная программа совместного обустройства континента, от которой выиграли бы все европейские народы. Важным звеном такой программы станет инициатива построения панъевропейской организации нового поколения, отвечающей реальным потребностям Европы.

Наконец, неотъемлемой частью триады должно стать системное преобразование российского социума в полном соответствии с провозглашёнными Москвой консервативными ценностями социального равенства, уважения к человеческой личности, заботы о слабых, беззащитных, обездоленных и пр. Напрishaющаяся часть системных преобразований — разработка и осуществление государственной политики защиты прав человека, возводящая заботу об этих слоях населения в разряд высших приоритетов государственных структур и институтов.

Таким образом, триада евроатлантической политики России будет включать силовую, конструктивную и объективно необходимую для взаимного сближения составляющие.

Россия и Африка на новом фронтире человечества

Африканский континент становится новым полем противостояния мировых акторов в свете падения влияния западных держав в макрорегионе. После распада Советского Союза влияние России в Африке практически свелось к нулю, а через сам регион прошла волна демократизации, которая привела к власти более либеральные и ориентированные на Запад режимы. В это же время началась интеграция Субсахарской Африки в мировую экономику, в результате чего уровень бедности населения значительно снизился, однако проблема неравенства в африканских странах только усугубилась.

Несмотря на окончание холодной войны, конфликтность региона осталась на прежнем уровне. В Руанде произошёл один из худших геноцидов в истории человечества, некогда сильное региональное государство Сомали развалилось на несколько частей, что спровоцировало гуманитарный кризис макрорегионального масштаба. Кровавые конфликты произошли в ДР Конго, Судане, Кот-д'Ивуаре. В 2000-е гг. в Субсахарской Африке начали формироваться исламистские организации, ставшие одной из основных угроз макрорегиональной безопасности в 2010-е гг.: Аш-Шабаб и Бoko Харам (организации признаны террористическими, их деятельность запрещена на территории РФ). В регионе Сахары и Сахеля (Мали, Нигер и Чад) зародилось исламистское восстание, продолжающееся до сих пор. По-прежнему идут гражданские войны в ЦАР и Южном Судане, после «революции оромо» в Эфиопии обострился межэтнический конфликт. На континенте вооружённые перевороты, этнические чистки, систематическое и бесконтрольное насилие по отношению к мирному населению всё ещё — обыденность.

Тем не менее Африка — это ресурсная база всего человечества и будущий глобальный центр экономического притяжения. Различные мировые державы критически зависят от поставок сырья из стран Африки. Франция, где 75% потребляемой электроэнергии генерируется АЭС, зависит от поставок урана из Нигера. ВПК Соединённых Штатов нуждается в поставках конголезского кобальта. Китайские производственные цепочки завязаны на африканском сырье. Кроме того, африканские страны растут темпами, значительно выше мировых: Эфиопия, Руанда, Кот-д'Ивуар являются мировыми лидерами по темпам экономического роста. В целом Субсахарский макрорегион — это динамично растущий и цифровизирующийся рынок, который, однако, характеризуется огромным экономическим неравенством, нерешёнными проблемами бедности, доступа к еде, чистой воде и жилью, а также различными формами дискриминации.

С 2000-х гг. США, Францию и Великобританию, поделивших африканские рынки сырья и сбыта, начал теснить Китай, предложивший африканским

странам более дешёвые товары, и, что более важно, новую модель сотрудничества. Политику западных держав после деколонизации нельзя охарактеризовать иначе как неоколониалистскую; так, значительная часть кобальта, идущего на нужды американского ВПК, — это «грязный кобальт», добываемый на незаконных месторождениях в конфликтной зоне. Французская политика во франкофонной Африке представляет собой апогей неоколониализма: в рамках т. н. системы Франсафрик Париж десятки раз силой вмешивался во внутренние дела африканских государств, смещая и устанавливая правителей. Китай, действуя по модели декларируемого невмешательства во внутренние дела африканских государств, выстраивал взаимодействие на других принципах: Пекин вкладывался в масштабные проекты по созданию инфраструктуры и благоустройству, создавал предприятия и сопутствующую социальную сферу, выделял кредиты на развитие. Китайское экономическое присутствие наиболее заметно в Восточной Африке: Джибути, Танзании, Зимбабве, Мозамбике, Судане. По китайской модели действуют и другие незападные акторы: Индия, Япония, монархии Персидского Залива, Турция. Последняя экспортировала на африканский континент имевшую успех на Ближнем Востоке исламистскую концепцию справедливости и развития, в частности в регион Африканского Рога (Эритрея, Эфиопия, Сомали).

Какую роль в данном контексте играет Россия? Несмотря на военно-политический уход с африканской арены, Москва обладает весомым экономическим присутствием. Так, Россия вышла на африканский атомный рынок, заключив с Нигерией контракт на постройку АЭС и ядерного центра. АЛРОСА ведёт деятельность по добыче алмазов в Зимбабве, Ботсване и Анголе, Северсталь присутствует в Либерии, Буркина-Фасо и Гвинее (где также работает РУСАЛ). Лукойл ведёт нефтедобычу в Камеруне, Гане и Нигерии, Роснефть входит в консорциум по добыче нефти на мозамбикском шельфе. Газпром совместно с компаниями «*Namcor*» и «*Tullow Oil*» разрабатывает месторождение Куду в Намибии, а Ренова ведёт горную добычу в ЮАР, Габоне и Мозамбике.

Частично осталась прежней система образовательного обмена: так, по состоянию на 2018 г. в российских вузах учились 17 тыс. африканских студентов, что сравнимо с позднесоветскими показателями (22 тыс. студентов из Африки). Россия сохраняет и весомую систему дипломатического присутствия, обладая сетью из 40 посольств, четырех торгпредств и одного офиса РЭЦ.

В настоящее время в Африке сложилась парадоксальная ситуация, характеризующаяся усиливающейся великодержавной экономической конкуренцией в условиях относительного политического вакуума. Соединённые Штаты уменьшают военно-политическое присутствие на африканском континенте — Вашингтон сократил численность и финансирование Африканского командования. Ослабло французское военное присутствие в регионе: сокращён военный контингент в Джибути, операция по стабилизации этнического конфликта в ЦАР «Сангарис» захлебнулась, а в Сахеле в рамках

операции «Бархан» французские возможности приближаются к предельным. На низком уровне находится британское военное присутствие. В то же время военно-стратегическое влияние незападных держав также крайне ограничено: в Джибути располагаются китайская и японская базы, в Сомалиленде — турецкая.

В данном контексте перед Россией открывается возможность системного возвращения на африканскую политическую арену. В области военного присутствия шаги в данном направлении уже предпринимаются: между Россией и Суданом заключено соглашение о строительстве военно-морской базы в Порт-Судане, активно развивается военно-техническое сотрудничество между Москвой и Банги, где сосредоточено значительное число российских военных и гражданских специалистов, налаживается военно-техническое сотрудничество с Мозамбиком и Зимбабве. Тем не менее России ещё предстоит выстроить цельную концепцию макрорегиональной политики, обеспечивающую слаженность действий по экономической и военно-политической линии. Для этого необходимо:

1. нарастить военно-техническое сотрудничество с африканскими странами. Данное направление деятельности можно разбить на следующие цели:

а) обеспечить систему военно-политического присутствия для продвижения российских интересов в Субсахарской Африке: добиться строительства базы ВМФ в Красном море, реализовать идею о создании пункта базирования в Мозамбике по двустороннему соглашению 2015 г., интенсифицировать взаимодействие с политическими и экономическими элитами и усилить влияние на медиарынке, что поможет функционированию этих баз;

б) комплексно расширить военно-техническое сотрудничество с африканскими партнёрами. Речь идёт не только о поставках оружия и создании пунктов военного базирования, но и о строительстве с помощью российских специалистов военных и силовых институтов в африканских странах. Россия обладает обширным опытом в борьбе не только с террористическими группировками (такими как Имарат Кавказ и ИГ), но и с сетевыми экстремистскими организациями. Создание Москвой силовых институтов в конфликтных африканских государствах заложит основу долгосрочного присутствия в макрорегионе. Более того, способность России выстраивать эффективные силовые институты представляет собой конкурентное преимущество России в Субсахарской Африке, где активно действуют мировые акторы;

2. заложить базу эффективного экономического взаимодействия и обеспечить эффективное политическое сопровождение деятельности российских компаний с опорой на российские загранучреждения и выстраивание сетевых экономических институтов в странах присутствия, включая торговые палаты и деловые советы. Российский бизнес в Африке сталкивается со случаями обидных срывов контрактов из-за незнания местной политической повестки, законодательства, расклада племенных и клановых сил. Так, контракт Росатома на постройку АЭС в ЮАР был сорван из-за коррупционного скандала вокруг бывшего президента Джейкоба Зумы;

3. интенсифицировать проникновение на африканский медиарынок. Перспективным представляется запуск африканских «Спутников» с региональной или страновой привязкой (в частности, Спутник-Сахель, Спутник-Великие Озёра, Спутник-Эфиопия). В долгосрочной перспективе желательно открытие африканского филиала RT;

4. интенсифицировать взаимодействие с Африканским Союзом, региональными и субрегиональными организациями. В Африке стремительно идёт процесс регионализации: ярким примером служит возобновлённый в 2018 г. проект Восточноафриканской федерации, который предоставляет новые возможности развития для африканских государств и открывает для России новые горизонты взаимодействия с ними. Также важно установить сотрудничество в формате ЕАЭС — АС, ЕАЭС — ЭКОВАС, ЕАЭС — САДК, ЕАЭС — Восточноафриканское сообщество.

В отличие от Китая и Индии, Россия обладает возможностью экспорта и строительства безопасности, что крайне важно для подавляющего большинства африканских стран. В увязке с политическим, экономическим, технологическим и гуманитарным взаимодействием такая возможность может особенно большую отдачу.

Латинская Америка — Россия: баланс между идеологией и прагматизмом

Взаимоотношения Москвы (Российской империи, СССР, России) со странами Латинской Америки и Карибского бассейна имеют долгую историю поиска баланса между идеологией и прагматизмом. После закономерного спада политического и экономического сотрудничества России и Латинской Америки в начале 1990-х гг. последовало формулирование новой стратегической основы отношений. Произошло это благодаря серии визитов в регион в 1996 и 1997 г. главы МИД Е. М. Примакова, который увидел в латиноамериканских государствах органичных партнёров в построении многополярного мира. Фундаментом служит также полное совпадение позиций по вопросу признания международного права стержнем мирового порядка. Нахождение общей геополитической платформы стало фактором сближения сторон в последующее десятилетие.

Запрос на улучшение отношений с Россией, возникший в период т. н. левого поворота в начале 2000-х гг., во многих случаях не требовал от Москвы принятия активных мер. Появление идеологической составляющей в отношениях зачастую было результатом усилий латиноамериканских левых. В какой-то степени она даже мешала Москве проводить объявленный курс на деидеологизацию и прагматизацию внешней политики, ориентированной на достижение национальных интересов.

Сближение с левыми было полезно для Москвы скорее как демонстрация Соединённым Штатам своих возможностей обретать новых союзников в зоне действия «доктрины Монро». Тот факт, что Венесуэла и Никарагуа признали Абхазию и Южную Осетию, а Куба, Боливия и те же Венесуэла и

Никарагуа поддерживали российскую позицию по Крыму в ООН, был представлен как очевидное дипломатическое достижение. Подобное идейно-политическое единение породило у многих в России и Латинской Америке волну энтузиазма и ностальгии по временам кубинско-советской или чилийско-советской дружбы. Однако это новое сближение имело пределы: Россия, осознавая сильную, даже излишнюю, идеологическую составляющую в своих отношениях с регионом, стремилась избежать углубления в этот «левый энтузиазм».

Примером, когда отношения упирались в подобный предел, является взаимодействие РФ с леворадикальным интеграционным объединением Боливарианский альянс для народов нашей Америки (ALBA). Тот факт, что большинство традиционных и новых союзников России в регионе являлись членами этого объединения (Венесуэла, Никарагуа, Куба, Эквадор до 2018 г., Боливия), не позволял Москве полностью его игнорировать. Позицию России в отношении Альянса можно определить как попытку балансировать между необходимостью поддерживать отношения с важными стратегическими союзниками и одновременными опасениями полностью примкнуть к одному лагерю, испортив тем самым отношения со странами правого крыла Латинской Америки, многие из которых стали важными торговыми партнёрами.

В то же время Россия не хотела чрезмерно сближаться и со странами правого лагеря. После создания торгового интеграционного блока Тихоокеанский альянс, включавшего лишь страны с проамериканской внешнеполитической ориентацией, Россию активно приглашали для получения статуса наблюдателя в новом объединении. Но Москва не спешила его принимать, так как понимала последствия такого шага для отношений с «друзьями слева». Позицию российской дипломатии можно описать фразой «чтобы с кем-то дружить, необязательно с ним куда-то вступать». Такой аккуратный баланс между союзниками и третьими странами в целом был характерен для российской внешней политики не только в Латинской Америке, но и в других регионах мира.

Первой проверкой того, насколько стратегическое партнёрство со странами левого лагеря способно пережить смену политической ориентации правительств, стала победа правого кандидата Маурисио Макри на президентских выборах в декабре 2015 г. в Аргентине. Большинство экспертов предсказывали завершение периода тесного стратегического сотрудничества времён правления четы Нестора и Кристины Киршнер. Эти опасения не оправдались: российская дипломатия смогла быстро и эффективно перестроить отношения на прагматичной основе, отодвинув многие вопросы политической повестки на второй план. М. Макри также быстро осознал взаимную выгоду экономического взаимодействия, и в результате сторонам удалось сохранить большую часть совместных проектов.

Россия применяет аналогичный подход и в развитии отношений с Бразилией после победы правого политика Жаира Болсонару в конце 2018 г. Очевидно,

что предыдущие стратегические отношения с кабинетами ярких левых лидеров Луиса Инасиу Лула де Силвы и Дилмы Русеф, основанные на сходном понимании интересов «глобального Юга», необходимости усиления его голоса и стремлении к многополярному миру, не смогли полностью сохраниться после резкой смены политического вектора «тропического гиганта». Болсонару провозгласил новый внешнеполитический курс на сближение с Вашингтоном, однако бразильцы показали, что готовы разумно оценивать истинные интересы страны, продолжив участвовать в работе БРИКС. Старт активной программы приватизации и привлечения иностранных инвестиций вообще сделал Россию желанным партнёром для Бразилии, в том числе для создания противовеса другим странам.

Современная российская дипломатия способна эффективно строить прагматические отношения и без идеологической основы. Но для этого нужно учитывать несколько моментов.

Во-первых, в отличие от российского, латиноамериканское понимание термина «многополярность» (*multipolaridad*) ближе к понятию «полицентричность» или «многосторонность», что подразумевает многоуровневую систему разновеликих центров с недопустимостью разделения мира на непересекающиеся сферы интересов и субъектность всех стран, что особенно важно для переживших длительные периоды политической и экономической зависимости латиноамериканских элит. Страны региона относятся к периферийной части мирового хозяйства, но они всё более явственно стремятся перейти от роли объекта к роли субъекта международных отношений. И в этом «субъектном» качестве они становятся важным фактором, который способен в критические моменты нарастить вес той или иной чаши мировых весов. Москва же периодически недооценивала степень несовпадения наших подходов к понятию «многополярность», что порождало недопонимание.

Во-вторых, специфика политики России в отношениях с Латинской Америкой заключается в том, что Москва не предлагает региону долгосрочных проектов и глобальных инициатив, как это периодически делают США или Китай. Россия сейчас не формирует новую повестку дня в регионе, зато способна эффективно реагировать на актуальные тенденции, которые от неё не зависят. Продвигая в регионе вакцины «Спутник V» как среди союзников, так и в странах проамериканской ориентации, Москва продемонстрировала способность к подобному гибкому реагированию. Такой подход не только не противоречит главной глобальной цели России по установлению полицентричной мировой системы, но и работает на неё.

Благодаря стремлению Москвы снизить идеологическую составляющую в отношениях, которая ранее приводила к преобладанию стратегического подхода к формированию союзов, сегодня Кремлю значительно легче точно заключать выгодные ему ситуативные и тактические альянсы, экономя ограниченные ресурсы и одновременно расширяя пространство для манёвра. Вместе с тем российский курс на деидеологизацию одновременно

создаёт и риск разочарования у латиноамериканских левых в Москве как в борце за близкие им социальные и политические идеалы. Поиск баланса между идеологией и прагматизмом, особенно в случае возможного циклического возвращения левых сил на авансцену латиноамериканской политики, может стать сложнейшим вызовом для российской дипломатии в будущем.

Заключение

Кризис, связанный с распространением коронавируса, стал водоразделом между прошлым, возврата к которому уже быть не может, и будущим. Пандемия — жестокий и требовательный учитель, чьи уроки твёрдо усвоили все ведущие мировые игроки.

Открываясь после самоизоляции, вновь запуская промышленное производство, научную сферу и сферу услуг, надо не реабилитировать прежнюю экономику, а создавать новую. Необходимо не восстанавливать разорванные социальные связи, а строить общество с иной динамикой и новой шкалой ценностей, переводить не только производство, торговлю и предоставление услуг, в том числе государственных, на новую цифровую технологическую базу, но и практически всю жизнь во всех её формах и проявлениях. Нужно не рассчитывать на свободную торговлю и глобальные цепочки добавленной стоимости, а в стратегически важных областях экономики и технологического прогресса полностью концентрировать цепочки на собственной территории и территории своих союзников. Следует быть самодостаточными.

Всё сосредотачивать в пределах национальных границ крайне затратно, кроме того, такой подход может снизить рентабельность и конкурентоспособность. Значит, в условиях постпандемической реальности принципиальным для всех государств, которые делают ставку как на мировое лидерство, так и на проведение независимой внутренней и внешней политики, становится вопрос о союзниках, их круге, характере и о том, какими должны быть союзнические отношения в новую эпоху.

Особенно остро вопрос о сущности союзнических отношений стоит перед Российской Федерацией и Китаем. Слишком часто в прошлом Москва оказывалась в политическом одиночестве, когда те страны, на поддержку которых она рассчитывала, не осмеливались оказать помощь. Китай по ряду параметров геополитического свойства сравнялся с Соединёнными Штатами, превратился в экономическую сверхдержаву. Его товары, капиталовложения, инфраструктурные проекты нужны всем. Но перед лицом принудительных альянсов, сколачиваемых против него администрацией Джо Байдена, он оказывается уязвимым. Для ускоренного экономического прогресса отдельных стран и регионов он сделал очень много, предложил альтернативную западной модель социально-экономического развития, которая всё чаще воспринимается как более удобная и перспективная. Однако ни близкими друзьями, ни союзниками в полном смысле этого слова Пекин не обзавёлся.

Сейчас России как никогда нужны надёжные партнёры, с которыми бы её связывала общность судьбы. Потенциально они есть. Тем не менее, чтобы с ними реализовались по-настоящему союзнические отношения, Москве необходимо пересмотреть своё восприятие союзов. Уже в течение 30 лет она безуспешно пытается их строить на сугубо межправительственной

основе и зачастую прислушивается к тем, кто убеждает, что для решения конкретных задач временные конъюнктурные объединения выгоднее. Может быть, постоянные союзы действительно обременительны, однако для решения этого вопроса надо рассматривать каждый отдельный случай.

В действительности России нужны союзы обществ с единым гражданским, политически активным населением, хорошо понимающим, насколько выгодно и перспективно взаимное обогащение культур, общим средним классом и предпринимательской элитой, научившимися пользоваться колоссальными преимуществами объединения. России нужны союзы обществ, прорастающих друг в друга, которые благодаря этому вместе и при строжайшем следовании принципам суверенного равенства и взаимного уважения выбора каждого решают задачи развития, обеспечения безопасности и благополучия. Прежде всего подобные союзы необходимы с Беларусью и остальными членами ЕАЭС и ОДКБ.

Такие союзы должны служить одновременно зародышем, слагаемым и основой для более широких объединений и коалиций мягкой интеграции, включающих в себя максимально широкий круг государств, которые заинтересованы в соразвитии, невмешательстве во внутренние дела и сохранении своего исторического «я». Олицетворением такой конструкции могло бы стать предложенное Москвой формирование Всеобъемлющего большого евразийского партнёрства (именно всеобъемлющего, заботящегося не только об экономике, инфраструктуре и финансовой самодостаточности, но и о безопасности, создании общей культурной, научной и образовательной среды и т. д.). Его дизайн, который к настоящему времени прорисован сравнительно детально, выглядит крайне привлекательно. Настало время наполнять его конкретным содержанием, многочисленными, выгодными всем проектами, охватывающими все стороны человеческой деятельности. ЕАЭС сделал в этом направлении очень правильные шаги: подписаны первые соглашения, образующие вокруг него своего рода зону экономического притяжения. Эту работу обязательно надо продолжить, придав ей ещё большую динамику.

Но и это не всё. Ещё одной, возможно, даже главной главной ипостасью постковидного мира становится превалирование тенденций регионализации над императивами глобализации. Оно находит выражение, с одной стороны, в отчуждении государств, входящих в различные регионы, друг от друга, с другой стороны — в спонтанном усилении роли и влияния региональных лидеров. Поэтому России важно продолжить формирование своего большого региона, способного конкурировать с другими, и не допустить появления новых и углубления спровоцированных извне уже обозначившихся разделительных линий и возникновения новых конфликтогенных зон ни в Европе, ни в Азии. Этим целям должна служить чётко выраженная и финансово обеспеченная политика формирования кольца дружественных, лояльных или, по крайней мере, нейтральных государств по периметру границ России. Недопустимо, когда по заказу сил, враждебных сотрудничеству и

взаимодействию с Москвой, кто-либо из членов ЕС блокирует возобновление диалога между двумя неотъемлемыми частями единого континента. Устанавливать нормальные, по возможности дружественные, экономически взаимовыгодные отношения нужно со всеми без исключения странами ближнего и дальнего соседства.

Однако из утопии эти внешнеполитические и внешнеэкономические императивы, без учёта которых невозможно и ускоренное внутреннее развитие, могут превратиться в реальность только в том случае, если Россия совершит манёвр ресурсами и активно включится в гонку за системное технологическое лидерство на планете. Опережающая разработка вакцины «Спутник V», начало строительства в Северске Росатомом первого в мире реактора с замкнутым циклом, превращающего мирный атом в наиболее эффективный из ныне существующих источников возобновляемой энергии, ярко демонстрируют способности Москвы. Именно гонка за технологическое лидерство будет определять структуру и взаимосвязи постковидного мультицентричного международного порядка. Выстроив новые союзнические отношения и создав вокруг себя пояс добрососедства, Россия сможет добиваться того, чтобы основой новой мировой системы стали демократизация международных отношений и никем не навязываемое, выгодное всем людям планеты многостороннее сотрудничество.

Об авторах

Энтина Екатерина Геннадьевна, д.полит.н., профессор НИУ ВШЭ, руководитель Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований Института Европы РАН – руководитель авторского коллектива

Этин Марк Львович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой европейского права МГИМО (У) МИД РФ

Новиков Дмитрий Павлович, кандидат политических наук, доцент департамента международных отношений НИУ ВШЭ

Разумовский Дмитрий Вячеславович, кандидат экономических наук, директор Института стран Латинской Америки РАН

Наджаров Александр Мартиросович, аналитик Центра развития интеграции и проектной деятельности НИУ ВШЭ

Синопальников Никита Сергеевич, аналитик Центра развития интеграции и проектной деятельности НИУ ВШЭ

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) – некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций российским организациям, министерствам и ведомствам, задействованным во внешнеполитической деятельности.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повысить эффективность внешней политики России.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную деятельность с целью сформировать устойчивое сообщество молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника публичной дипломатии, представляя на международных площадках российское видение в решении ключевых проблем глобального развития.

Члены РСМД – это ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей Кортунов. В 1995–1997 гг. Андрей Кортунов занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

Для заметок

Российский совет по международным делам

**БЫТЬ НА ГОЛОВУ ВЫШЕ ВСЕХ:
РОССИЯ 30 ЛЕТ СПУСТЯ**

Доклад № 73/2021

Верстка — О.В. Устинкова

Источник фото на обложке:
REUTERS/Evgenia Novozhenina/Pixstream

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 200 экз.

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8

russiancouncil.ru